U 231/483.

И 231/483

ПОСѢЩЕНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

№ 855.

983/16
231
483
№ 855.

ПОСѢЩЕНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА,

ВЪ 1845 ГОДУ.

П. Березина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

1854.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1854, № 4 и 5).

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
3245/44

2007050308

ПОСѢЩЕНІЕ

Цареградскихъ достопримѣчательностей, во время пребыванія въ Константинополѣ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА,

въ 1845 году.

Тому, кто не видалъ Южныхъ городовъ Европы, Неаполя или Лиссабона, трудно составить себѣ понятіе о Константинополѣ; но даже и тѣ, которые имѣли случай любоваться Лиссабономъ, бываютъ поражены панорамой Оттоманской столицы, при въѣздѣ съ Мраморнаго моря, откуда Царьградъ является во всемъ великолѣпіи и красо-

тѣ, съ многочисленными предмѣстіями—маленькими Стамбулами, не уступающими главному въ изяществѣ и разнообразіи видовъ. Я былъ такъ счастливъ, что мнѣ привелось вступить въ столицу Константина Великаго черезъ Дарданеллы, на пароходѣ, плавающемъ между Смирною и Царемградомъ, а не черезъ Босфоръ, откуда картина Константинополя представляется по частямъ, съ невыгодною постепенностію.

Довольно лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ раздалось на этомъ пароходѣ общее восклицаніе: «вотъ онъ, Константинополь! вотъ острова Принцевы, вотъ и Ая-Софія!» но еще и до сихъ поръ я не забылъ того торжественнаго мгновенія. Лѣтній разсвѣтъ только-что начинался, съ лона морскаго только-что возставало лучезарное свѣтило, медленно разсѣвавшее утренніе туманы, какъ передъ нами явилась земля въ видѣ волканическихъ изверженій изъ нѣдръ морскихъ: то были Принцевы острова. Едва взоръ успѣлъ остановиться на этихъ волнистыхъ скалахъ, какъ туманъ, окружавшій нашъ пароходъ, унесло утреннимъ вѣтеркомъ, и словно волшебная сила разомъ развернула передъ нашими глазами Золотой Рогъ съ его безчисленными кораблями, Царьградъ съ его громадными мечетями, и Босфоръ съ безконечными виллами и предмѣстіями. Единодушный кликъ восторга привѣтствовалъ возставшую отъ сна Турецкую столицу.

И это невольное движеніе, высказанное на разныхъ языкахъ Европы, было справедливою данью первопрестольному граду Константинову, поставленному на рубежѣ двухъ противоположныхъ міровъ — бездѣйствія и дѣятельности, Азіи и Европы! Не болѣе двухъ верстъ раздѣляло эти два враждебные міра, и какъ будто для примиренія двухъ

началъ, самая очаровательная, самая успокоительная картина развивалась на опасномъ рубежѣ. Влѣво, на Европейскомъ берегу, длинною чертою тянулся самый Царьградъ, на ближайшемъ краю котораго группа Семибашеннаго замка нѣсколько отдѣлялась отъ сплошнаго и пестраго строенія, а на другомъ концѣ, на Серальскомъ мысѣ, уступами поднимался отъ самаго моря старый Султанскій дворецъ, какъ бы составляя независимый городъ, надъ которымъ возвышались массивныя мечети Ая-Софія и Ахмеда со многими копьеобразными минаретами. Между этими главными фигурами картины остальное пространство занято пестрыми, воздушными домиками съ роскошной зеленью, а по временамъ показываются, для бо́льшаго разнообразія, малыя мечети и другія зданія. Это соединеніе яркихъ цвѣтовъ деревянныхъ домиковъ, свѣжей зелени, бѣлыхъ мечетей, позолоченнаго дворца, лазурнаго неба и голубыхъ волнъ недостижимо самому пылкому воображенію.

Но не думайте, чтобъ этимъ картина и замыкалась: нѣтъ! еще многое остается недописаннымъ, чего съ перваго взгляда я не могъ ни понять, ни оцѣнить. Отъ Серальскаго мыса вдается влѣво заливъ — Золотой Рогъ, названіе чрезвычайно счастливое: здѣсь лѣсъ мачтъ со стороны Европейскихъ предмѣстій Перы и Галаты, лежащихъ прямо противъ Царяграда, здѣсь опять громадныя бѣлыя мечети, пестрые домики, густая зелень; но здѣсь есть еще Европейскіе дворцы, между которыми Русскій занимаетъ самое видное и первое мѣсто, такъ что, по словамъ нашихъ завистниковъ, онъ *господствуетъ надъ Царемградомъ.*

Азіатскій берегъ давно уже манитъ къ себѣ пресыщенный взоръ путешественника: здѣсь, на отдаленномъ

горизонтѣ, рисуется уединенный маякъ, далѣе представляется мирная деревушка, утонувшая вся въ зелени, и наконецъ, черезъ негостепріимный берегъ, около котораго постоянно разбиваются опасныя волны, взоръ останавливается на самомъ обширномъ предмѣстіи Царяграда — на Скутари, гдѣ опять и мечети, и казармы, и раскрашенные дома, и цѣлая роща кипарисовъ.

Вотъ я провелъ двѣ линіи отъ Принцевыхъ острововъ: одну налѣво — Европейскую, а другую направо — Азіатскую. Два материка раздѣляетъ, противъ Царяграда, Золотаго Рога и Скутари, неширокій Босфоръ, при самомъ входѣ въ который, близъ Скутари, возникаетъ изъ волнъ, какъ будто на стражу, Леандрова башня, небольшая, но красивая.

Стоя на перекресткѣ близъ этой башни, вы можете любоваться первымъ въ мірѣ видомъ: съ одной стороны, взоръ пронизываетъ седмихолмный Царьградъ вдоль по Мраморному морю отъ Серальскаго мыса до Семибашеннаго замка и отъ Серальскаго же мыса вдоль по Золотому Рогу до Эюбскаго предмѣстія; потомъ вы обозрѣваете Золотой Рогъ и Европейскія предмѣстія; отвернувшись отъ Серальскаго мыса, вы восхищаетесь Босфорскими виллами и предмѣстіями, сколько позволяютъ извилины пролива; наконецъ, обратясь на Югъ, вы видите Скутари, Азіатскій берегъ, Мраморное море, Принцевы острова и даль, вѣнчанную Олимпомъ.

Сколько красокъ, сколько разнообразія, и при этомъ столько воды и зелени!

Чудный, незабвенный видъ, единственный во вселенной! Что Царьградъ красивѣйшій въ мірѣ городъ, въ

этомъ можетъ удостовѣрить васъ извѣстный Русскій Живописецъ Айвазовскій, судья въ этомъ дѣлѣ безъапелляціонный, посѣтившій Константинополь послѣ Лиссабона и отдавшій полное первенство Оттоманской столицѣ, по сочетанію въ одной картинѣ затѣйливыхъ Восточныхъ зданій, восхитительнаго воздуха и безподобной зелени съ волканической почвой на прибавку. Много говорятъ о красотахъ Ріо-Жанейро; но въ этомъ случаѣ я могу опереться на сужденіе одного довольно знатнаго Бразильца, который въ мое время пріѣзжалъ въ Константинополь, и который, не смотря на весь свой патріотизмъ, не устоялъ противъ прелестей Стамбула, и отдалъ преимущество Оттоманской столицѣ передъ столицей своей родины. Наконецъ вспомните слова Шатобріана: «on n' exagère point quand on dit que Constantinople offre le plus beau point de l'univers».

Но если вы, прельстившись такою славою Константинополя, когда-нибудь рѣшитесь посѣтить его, то не сходите на берегъ, чтобы не утратить очарованіе, а остановитесь на пароходѣ, и когда взоръ вашъ насытится Цареградской панорамой, уѣзжайте на родину.

Не такова была моя участь: я долженъ былъ перебраться на берегъ, поселиться въ Перѣ, странствовать по грязнымъ и мрачнымъ улицамъ Стамбула, среди грубаго и нечистоплотнаго народонаселенія и смердящихъ голодныхъ псовъ, затыкая уши отъ выразительной Турецкой брани, зажимая носъ отъ нестерпимаго зловонія харчевенъ, закрывая глаза отъ безобразной аляповатости пестрыхъ домовъ, столь красивыхъ издали. Впрочемъ, я нѣсколько подбавилъ черной краски въ описаніи внутренняго Константинополя, можетъ быть потому, что слишкомъ былъ обольщенъ наружнымъ. Притомъ же бывали и восхити-

тельные образы передъ моими глазами: на-примѣръ, въ лѣтній вечеръ, послѣ знойнаго, удушливаго дня, какъ отрадно было выйти на террасу многоэтажнаго дома въ Перѣ, впивать усладительную прохладу очищающаго воздуха и разсматривать каждый разъ съ новымъ восторгомъ золотистую сыпь заходящаго солнца на зелени, домикахъ и храмахъ Азіатскаго берега, или разбирать очерки густыхъ тѣней Стамбульскихъ зданій, или наконецъ прислушиваться къ напѣву муэззиновъ, съ высоты минаретовъ привѣтствующихъ заходящее солнце вечернею молитвою.

Въ прежнее время посѣщеніе дворцевъ Султанскихъ и главныхъ мечетей, особенно Ая-Софіи, было очень трудно для не-Мусульманина, но мало-по-малу паденіе Турецкаго фанатизма и настойчивость Европейскихъ путешественниковъ потрясли запретительную Турецкую систему до того, что въ послѣднее время Порта выдавала, по требованію любаго Посольства, только не Греческаго, за извѣстную плату, фирманы на осмотръ пустыхъ дворцевъ и главныхъ мечетей, за исключеніемъ, разумѣется, Эюбской. Такимъ образомъ, трудностей никакихъ не было; но представлялось лишь одно препятствіе — значительные расходы: кромѣ платы за фирманъ, бахшиша (подарка) провожатымъ, необходимо было производить денежныя раздачи въ каждомъ посѣщенномъ зданіи, такъ что осмотръ Стамбульскихъ достопримѣчательностей цѣнился почти въ полтораста цѣлковыхъ. Основываясь на такихъ соображеніяхъ, Перотскіе зоилы даже утверждали, что Высокая Порта изобрѣла новый источникъ доходовъ. Какъ бы то ни было, но заплатить такую огромную сумму я былъ не въ состояніи, а осматривать дворцы и мечети даромъ,

примкнувъ къ свитѣ какого-нибудь богатаго Лорда, какъ дѣлаютъ многіе несостоятельные путешественники, не позволяло мнѣ мое Русское имя.

И такъ я ожидалъ благодатнаго покрова отъ своего Отечества.

Въ концѣ Мая 1845 года, когда уже наступило время возвращенія моего на родину, получено было радостное извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Царьградъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Сынъ Русскаго Царя, соименникъ Великаго Константина, въ стѣнахъ древней Византіи — какое многознаменательное событіе, какое счастіе для тѣхъ, которые удостоивались лицезрѣть Высокаго Путешественника въ землѣ ископи Православной, но потомъ враждебной Христіанству! Турецкіе Греки основывали много упованій на этомъ странствованіи Августѣйшаго Русскаго Князя; важные Османлы стали еще молчаливѣе, а если и говорили, то одно— что Великій Князь пріѣхалъ просить у Султана помощи противъ Шамиля; завистливые Французы начали громогласно припоминать всѣ обстоятельства пребыванія Принца Жуанвильскаго въ Константинополѣ, о храбрыхъ дѣйствіяхъ его на пожарѣ, случившемся тогда въ Перѣ, и о прочемъ.

Дорогое извѣстіе подтвердилось, ожиданія исполнились: 6 Іюня, въ 8 часовъ утра, Его Императорское Высочество изволилъ прибыть на пароходѣ «Бессарабія» прямо въ Буюкдере, одно изъ Константинопольскихъ предмѣстій на Босфорѣ, гдѣ находится лѣтній домъ Русскаго Посланника.

Пароходъ «Бессарабія», принесшій на своихъ крылахъ Августѣйшаго Гостя, принадлежалъ къ числу пароходовъ-

фрегатовъ, назначенныхъ содержать сообщеніе между Одессою и Константинополемъ: «Бессарабія»—въ 260 силъ, Командиръ—Истоминъ. Свиту Его Императорскаго Высочества составляли: Вице-Адмиралъ Литке, Капитанъ Лутковскій, Наставникъ Гриммъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ знатныхъ Русскихъ фамилій.

Его Императорское Высочество, на парадномъ каикѣ нашего Посольства, въ сопровожденіи Посланника, изволилъ тотчасъ же съѣхать на берегъ, гдѣ ожидали Великаго Князя Члены Русскаго Посольства, Рифатъ-Паша, Турецкій Бригадный Генералъ, и Мустафа-бей, Командиръ линейнаго корабля, назначенные, по волѣ Султана, состоять при Особѣ Августѣйшаго Путешественника, во все время пребыванія Его въ Царѣградѣ. Буюкдерская набережная была покрыта Христіанскимъ народонаселеніемъ окрестностей. Утромъ Его Императорское Высочество изволилъ ознакомиться съ лѣтнимъ домомъ Посольства и его обширнымъ садомъ, а послѣ обѣда посѣтилъ гору Исполина, Генуэзскій замокъ и памятникъ Русской славы въ Царѣградѣ — Хункяръ-скелеси (пристань Султана), гдѣ стояли лагеремъ Русскія войска, приходившія на помощь Турціи противъ мятежнаго вассала Мегеметъ-Али, и гдѣ воздвигнута каменная скала въ память Русскимъ воинамъ.

7 Іюня, въ 10 часовъ утра, прибыли, для поздравленія Его Императорскаго Высочества съ пріѣздомъ, зять Султана, Капуданъ-Паша Халиль, Великій Адмиралъ Турецкаго флота, бывшій Турецкимъ Посломъ въ С. Петербургѣ въ 1830 году, и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Шекибъ-Эфенди. Послѣ сего Великій Князь изволилъ

отправиться, на томъ же пароходѣ, для общаго обзора по всему Босфору и Мраморному морю до Семибашеннаго замка, откуда пароходъ поворотилъ къ Азіатскому берегу и остановился близъ Фенеръ-багчеси. Его Высочество, сойдя здѣсь на берегъ, изволилъ отправиться изъ долины Хайдеръ-Паши, гдѣ были приготовлены верховыя лошади, на гору Булгурлу, откуда открывается панорама Царяграда и его окрестностей. Восхищенный представившеюся картиною, Его Высочество изволилъ снимать собственноручно видъ Константинополя съ этой горы, послѣ чего удостоилъ посѣтить кіоскъ «Хакимъ-баши» (Генералъ-Доктора), построенный на скатѣ Булгурлу, и обозрѣвалъ Азіатскій городъ Скутари.

8 Іюня, въ Пятницу (Мусульманскій праздничный день), Его Высочество изволилъ посѣтить Азіатскія «Прѣсныя воды», гдѣ въ это время было значительное стеченіе Мусульманъ, обозрѣлъ Султанскій дворецъ «Чирагапъ» и кавалерійскія казармы въ Кулели.

9 Іюня, Султанъ Абдуль-Меджидъ (рабъ Славнаго) принималъ Высокаго Гостя въ дворцѣ Бейлербейскомъ: этому посѣщенію предшествовалъ предварительный переговоръ между Русскимъ Посольствомъ и Церемоніймейстеромъ Султанскимъ. Надобно знать, что, по заведенному издревле уставу, всякій пріѣзжій посѣтитель, представляющійся Султану, сначала угощается въ переднемъ залѣ обѣдомъ, а потомъ уже вводится въ присутствіе Оттоманскаго Государя: въ этомъ обычаѣ видна старинная гордая политика Османской Державы, величающейся своимъ гостепріимствомъ. На сей разъ Турецкое Правительство рѣшилось измѣнить древній обычай, во уваженіе того, что Тур-

ція теперь стала *образованнымъ* Государствомъ, которому неприлично придерживаться отсталыхъ предразсудковъ. При вступленіи Его Императорскаго Высочества въ залу, юный Султанъ всталъ съ дивана, подошелъ на встрѣчу своему еще болѣе юному Гостю и пригласилъ Великаго Князя сѣсть на кресло, стоявшее предъ повелителемъ Османлу. Послѣ привѣтствія и изъявленія желанія, чтобъ Его Императорское Высочество продлилъ на нѣкоторое время пребываніе свое въ Константинополѣ, Султанъ обратилъ вниманіе Августѣйшаго Путешественника на двѣ фарфоровыя вазы, украшавшія Султанскій покой, съ изображеніемъ Государя Императора и Государыни Императрицы. При семъ посѣщеніи были представлены Султану всѣ Члены Русскаго Посольства. По окончаніи визита, Великій Князь изволилъ обозрѣвать садъ въ Бейлербейскомъ дворцѣ.

10 Іюня останется навсегда глубоко-памятнымъ днемъ въ моей жизни: въ это Воскресенье, по распоряженію нашего Посланника, я имѣлъ неоцѣненное счастіе представляться, вмѣстѣ съ другими Русскими подданными, Его Императорскому Высочеству, по окончаніи Божественной литургіи. Съ очаровательною благосклонностью Великій Князь обращалъ милостивое слово къ каждому изъ представлявшихся. Вскорѣ послѣ сего Его Высочество изволилъ отправиться со свитою для обозрѣнія водопродовъ въ Бѣлградъ и Пиргосъ; въ эту прогулку Священникъ Греческой церкви въ Бакче-кёй, умиленный видомъ Русскаго Царевича, лобызалъ стопы Августѣйшаго Путешественника, умоляя Его посѣтить убогій храмъ, а Православное народонаселеніе этихъ мѣстъ, увеличенное Буюкдерскими и Цареградскими Греками, сопровождало Вели-

каго Князя и въ Пиргосъ, гдѣ былъ приготовленъ полевой обѣдъ. Въ этомъ селеніи, близъ котораго находится массивный водопроводъ Іустиніана, Его Императорское Высочество изволилъ поощрять праздничныя увеселенія Греческихъ обывателей, которые плясали свой народный танецъ «ромейку». — Въ 9 часовъ вечера Его Императорское Высочество изволилъ прибыть въ Перу, во дворецъ Русскаго Посольства, при многочисленномъ стеченіи народонаселенія Перы, живописно освѣщенной въ сумракѣ факелами и впервые удостоившейся узрѣть въ своихъ стѣнахъ Благословенную отрасль Державнаго Дома Романовыхъ.

Такъ какъ я не имѣлъ счастія состоять въ эти дни въ свитѣ Его Высочества, то могу лишь предложить уединенныя впечатлѣнія мои объ очаровательныхъ берегахъ Босфора, еще до прибытія Августѣйшаго Путешественника.

Босфоръ!... Чье образованное сердце не билось сильнѣе при этихъ немногихъ звукахъ? въ чьемъ воображеніи не возникали очарованія Природы и Искусства? въ чьей памяти не рисовались классическіе образы древности и позднѣйшихъ временъ? И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь можно лишь восклицать:

Красота, красота, красота!

Босфоръ (переходъ быка), не смотря на двадцать шесть верстъ своего протяженія, мало извилистъ, и только въ двухъ мѣстахъ дѣлаетъ крутые повороты: оба берега его состоятъ изъ цѣпи довольно высокихъ холмовъ, перерѣзываемыхъ по временамъ небольшими живописными оврагами или улыбающимися долинами; вершина холмовъ большею частію обнажена; но по скатамъ, а особенно внизу и въ до-

линахъ растительность роскошна. Извѣстно сказаніе Діодора Сицилійскаго, Страбона, Эратосѳена и предположеніе Геологовъ, что Константинопольскій проливъ есть позднѣйшій прорывъ водъ Чернаго моря въ Средиземное; это мнѣніе перешло даже и къ Туркамъ, если только не сами они были наведены на него волканическимъ образованіемъ Константинопольской почвы и сходствомъ разорванныхъ береговъ Босфора. Разумѣется, своей догадкѣ Турецкіе Писатели придали особенную форму: такъ Историкъ Эвлія-Челеби повѣствуетъ, съ полною вѣрою въ свой разсказъ, что, на пространствѣ между Скутари и Стамбуломъ, стоялъ огромный городъ Македонія, въ которомъ однихъ мельницъ было до семисотъ; что владѣтельница этого города, Гречанка Кіадафе, захватила въ плѣнъ знаменитаго Восточнаго героя Искандера Старшаго и освободила его только на условіи не воевать съ ней огнемъ и мечемъ; но что одинъ изъ Визирей Искандера научилъ его прорыть каналъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, отчего и погибла Кіадафе со всѣмъ своимъ народомъ.

Пущенная изъ Чернаго моря въ Архипелагъ вода и до сихъ поръ стремится съ особенною силою, такъ что въ Босфорѣ существуютъ два теченія: изъ Чернаго моря теченіе идетъ подлѣ Азіатскаго берега, а изъ Мраморнаго — подлѣ Европейскаго; оба теченія сталкиваются почти на половинѣ Босфора у Румелійскаго замка и особенно у Арнаутъ-кёй, такъ что плывущіе изъ Перы въ Буюкдере каики идутъ здѣсь бичевою, для которой всегда есть на берегу готовые люди, за десять паръ (5 коп. асс.). Это столкновеніе двухъ теченій, описанное подробно еще у Полибія, называется *хисаръ-акиндиси* (теченіе замковое), *арнаутъ-акиндиси* (теченіе Арнаутово), или вообще *шейтанъ-акин-*

диси (сатанино теченіе). Со стороны Мраморнаго моря Босфоръ отдѣляется какъ бы особенною чертою отъ мыса Семибашеннаго до мыса Каламыша: вода Босфорская съ лѣвой стороны этой черты соленая и темная, а вода Пропонтиды съ правой стороны горькая и свѣтлая. На этой чертѣ, по увѣренію Эвлія-Челеби, не постигаетъ никакое волненіе и можно быть безопасну отъ восьми вѣтровъ, исключая только *лодоса*, дующаго отъ острововъ Мраморнаго моря.

Не смотря на незначительную ширину Босфора—мѣстами менѣе версты — въ проливѣ иногда свирѣпствуютъ бури, такъ что сообщеніе Европы съ Азіей на лодкахъ прекращается, тѣмъ болѣе, что Константинопольскія лодки (каики), ради Босфорскихъ теченій и вѣтровъ, имѣютъ чрезвычайно длинную, узкую и острую фигуру. Въ каикахъ, подобіе которыхъ употребляется и въ Месопотаміи подъ именемъ *маша*, надобно сидѣть внизу, а не на лавкахъ, которыхъ нѣтъ, и сидѣть смирно: потому что, при такой узкой формѣ, каики не могутъ не быть вертлявы, и притомъ разбиваются волною. За то изящная форма ихъ и быстрота на ходу выкупаютъ другіе недостатки. Кромѣ каиковъ, для сообщеній по Босфору, ходитъ ежедневно вечеромъ Турецкій пароходъ *эсеръ-и-хаиръ* (добрый носитель).

И такъ, ознакомясь въ общихъ чертахъ съ Босфоромъ, начнемъ обзоръ его береговъ отъ Чернаго моря до Пропонтиды, и притомъ съ Европейской стороны; но прежде замѣтимъ, что отправляющемуся по Босфору нужно запастись многими историческими свѣдѣніями; здѣсь каждая мѣстность носитъ нѣсколько названій изъ древности и разныхъ временъ разнородныхъ владычествъ, такъ что даже при Туркахъ многія мѣста уже не разъ мѣняли свои

прозвища, и самые опытные жители Стамбула не знаютъ названій, еще употреблявшихся въ прошломъ столѣтіи: это замѣчаніе относится вообще ко всему Константинополю. Въ настоящее время оба берега Босфора усѣяны малыми и большими селеніями, составляющими предмѣстія Стамбула, и дачами туземныхъ вельможъ: каждый шагъ на Босфорѣ есть и живописная картина, и какое-нибудь воспоминаніе или изъ классической древности, или изъ Византійской жизни, или наконецъ изъ кровавыхъ лѣтописей Оттоманской Имперіи.

Входъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря стерегутъ возвышающіяся изъ морской пучины скалы, носившія въ древности названія Кіанейскихъ (голубыхъ) острововъ, хотя нынѣ цвѣтъ ихъ темно-бурый; древніе считали ихъ сначала плавучими, для того будто бы, чтобы загораживать путь въ Черное море, почему и называли ихъ еще Симплегады (соединяющіеся). Какой замысловатый миѳъ, разрушенный Ясономъ и Аргонавтами!

Европейскій берегъ Босфора начинается также скалами, служившими убѣжищемъ Ѳракійскимъ пиратамъ; на мысу здѣсь стоитъ деревушка и укрѣпленіе съ маякомъ, Феперъ-кёй или Фенараки (деревня маяка); далѣе опять мысъ и укрѣпленіе Каридже. Недалеко отсюда примѣтны еще слѣды Генуэзскаго замка, охранявшаго Босфоръ съ Европейской стороны. Миновавъ Буюкъ-лиманъ (большой заливъ), древнюю гавань Ефесянъ, и баттареи, построенныя въ 1773 г. Французомъ Тоттомъ, мы можемъ отдохнуть въ селеніи Румели-кавакъ (Европейскій платанъ), гдѣ также есть укрѣпленіе съ баттареей: вѣроятно, отсюда протягивалась черезъ Босфоръ желѣзная цѣпь, за которую пропускали корабли впередъ и обратно, при Императорахъ и

Генуэзцахъ, только по уплатѣ таможеннаго сбора, вѣроятно потому, что здѣсь самое узкое мѣсто пролива въ верхней его части (менѣе версты).

До сихъ поръ Природа Босфорскаго берега не очень щедра на свои дары, мѣстность отчасти дика и народонаселенія мало: потому что дачная жизнь еще сюда не проникла, да и было бы далеко отъ Константинополя жить здѣсь. Далѣе картины становятся оживленнѣе, Природа цвѣтущѣе, народонаселеніе гуще.

Послѣ Румели-кавака, на Европейскомъ берегу находится баттарея на мысу, называемая Дели-табіа, далѣе деревня Ени-махале (новый кварталъ), гдѣ нѣсколько прелестныхъ гуляній. Небольшой мысъ Симасъ, нынѣ Мезаръ-бурну (мысъ кладбища), на которомъ находится укрѣпленіе, построенное Султаномъ Махмудомъ II, отдѣляетъ эту мѣстность отъ Буюкдере.

Съ именемъ Буюкдере соединяется много пріятныхъ воспоминаній у каждаго путешественника: это одна изъ красивѣйшихъ мѣстностей на Босфорѣ, который здѣсь расширяется и образуетъ большой заливъ Буюкдерскій, называвшійся прежде Ваѳиколпосъ (глубокій заливъ). Деревня Буюкдере, получившая Турецкое названіе отъ сосѣдней долины (Буюкъ-дере—большое ущелье или долина), очень значительное по величинѣ селеніе, въ которомъ находится довольно виллъ, обширныхъ и красивыхъ, двѣ церкви, базаръ, двѣ гостинницы для пріѣзжающихъ, опрятная набережная, долина и сады для прогулокъ. Близость Черпаго моря, изъ котораго дуютъ прохладные вѣтры, привлекаетъ въ эти мѣста на лѣто многихъ постоянныхъ жителей и временныхъ посѣтителей; народонаселеніе состоитъ изъ

Грековъ, Армянъ и Франковъ, а изъ Мусульманъ имѣетъ здѣсь пребываніе только отрядъ войска. Въ Буюкдере сосредоточивается лѣтомъ высшее Европейское общество: здѣсь находятся дома Русскаго Посланника, Австрійскаго Интернунція, Датскаго и Испанскаго Посланниковъ и нѣкоторыхъ другихъ; зданія и дома примыкаютъ къ скату горъ, по которому тянутся сады. Лучшій изъ дворцовъ принадлежитъ Россіи: это—бѣлое, красивое зданіе, передъ которымъ находится садикъ, а сзади и сбоку примыкаетъ густая роща, спасительное убѣжище въ жаркіе дни, проводимые здѣсь отъ Апрѣля до Ноября.

Чтобъ познакомиться вполнѣ съ окрестностями Константинополя, необходимо совершить маленькую поѣздку по сушѣ изъ Буюкдере въ Бѣлградъ, прежде чѣмъ спустимся по Босфору къ Константинополю: самое имя Бѣлграда, заблудившееся на этой классической почвѣ, должно привлекать любопытство Русскаго.

Тотчасъ по выѣздѣ изъ Буюкдере представляется къ Западу Буюкдерская долина, называвшаяся встарину Kalos agros (красивое поле), а нынѣ именуемая по-Турецки «Чаїр» (рѣка). Очаровательна Буюкдерская долина: все здѣсь зелень и цвѣтъ; почти средину ея занимаетъ знаменитый платанъ, подъ которымъ будто бы отдыхалъ Готфридъ Бульонскій, почему онъ и называется Готфридовымъ, а по-Турецки *кырк-агаджъ* (сорокъ деревъ), или семь братьевъ (*еди кардашъ*), по числу главныхъ стволовъ,—вѣковое, широко и густо раскинувшее свои вѣтви, красивѣйшее дерево, подробно описанное Естествоиспытателемъ Оливье, какъ гигантъ растительности. На этой долинѣ, до Греческаго возстанія, часто бывали гуляпья; но теперь уединенная кофейня близъ платана мало привлекаетъ посѣтителей.

Дорога, мощеная камнемъ, врывается въ тѣсное Буюкдерское ущелье, усѣянное деревьями, по срединѣ котораго и по долинѣ проходитъ русло ручья, лѣтомъ пересыхающаго. Въ одномъ часѣ пути находится Византійскій водопроводъ, называемый *кемеръ* (поясъ) и видимый еще съ Босфора; онъ сложенъ отчасти изъ большихъ, гладкихъ камней, а отчасти изъ небольшихъ, въ 20 арокъ. Этотъ водопроводъ, мѣстами лежащій въ землѣ въ видѣ глиняной трубы изъ мелкихъ колѣнъ, а мѣстами, гдѣ попадаются овраги, возвышающійся опять арками, несетъ воду изъ Бѣлградскихъ резервуаровъ въ столицу Оттоманской Имперіи, на протяженіи 22 верстъ: онъ построенъ первоначально Императоромъ Адріаномъ, а возстановленъ Іустиніаномъ. Повернувъ отсюда къ Сѣверо-Западу, черезъ полверсты достигаемъ деревни Багче-кёй (деревня-огородикъ), населенной Греками и имѣющей Православную церковь во имя Св. Аѳанасія.

Отъ этой деревни начинаются *бенды*, у Византійцовъ *гидрами* — резервуары, въ которыхъ скопляется съ отроговъ Балканскихъ вода, наполяющая Константинополь. Первый резервуаръ, называемый *эски-бендъ* (старый), подновленъ Султаномъ Махмудомъ I-мъ. Вмѣстѣ съ резервуарами распространяется отъ Багче-кёй густой лѣсъ платановъ, дубовъ и каштановъ, безъ котораго не могла бы и держаться вода въ бендахъ и который рубить запрещено подъ строгою отвѣтственностью. Въ этомъ лѣсу, черезъ полчаса пути, вы видите еще два резервуара: второй, устроенный Султаномъ Махмудомъ, какъ видно изъ стиховъ на доскѣ въ плотинѣ (моуджъ-аверъ бахръ-керемъ Сультанъ Махмудъ Эшшейимъ), есть самый обширный и самый лучшій изъ всѣхъ резервуаровъ; хотя размѣры его

почти одинаковы съ размѣрами стараго бенда, но здѣсь работа гораздо изящнѣе.

Черезъ полчаса пути является Бѣлградъ—цѣль поѣздки. Селеніе Бѣлградъ расположено на живописной мѣстности, да иначе въ этихъ краяхъ и быть не можетъ: здѣсь каждый холмъ, каждая ямка въ землѣ живописны. Въ Бѣлградѣ, первоначально Болгарской колоніи, нынѣ до сотни Греческихъ домовъ, пять-шесть Болгарскихъ и одна церковь Св. Георгія; изъ Мусульманъ здѣсь находится только *забитъ* (староста). Прежде въ Бѣлградъ переѣзжали на лѣто обитатели Перы; но излишняя влажность резервуаровъ дѣйствовала вредно на здоровье, и поэтому Бѣлградъ служитъ нынѣ лишь мѣстомъ прогулки.

Къ Византійскимъ резервуарамъ, окружающимъ Бѣлградъ, съ особеннымъ упорствомъ старались привязать свое имя Турецкіе Султаны, хотя иной разъ весь трудъ съ ихъ стороны ограничивался перемѣною нѣсколькихъ камней. Замѣчу еще, что всѣ Бѣлградскіе бенды уступаютъ въ красивой мѣстности бенду Шаха Аббаса въ Кугрудскихъ горахъ, на пути изъ Тегерана въ Испаганъ.

Послѣ этой поѣздки мы смѣло можемъ раскрывать далѣе завѣсу, стерегущую завѣтныя красоты Босфора и которой одинъ уголъ уже приподнятъ.

За Буюкдерской долиной слѣдуетъ деревушка Кефели-кёй (деревня жителя Кафы), населенная отчасти бѣдными Булгарами-арабаджи (извощиками); отсюда открывается видъ прямо на Черное море, откуда нерѣдко стремятся въ Босфоръ стаи кораблей. За этою деревнею слѣдуютъ заливъ Чакалъ-дере (долина шакаловъ), укрѣпленіе и гуляньe Агачъ-алти (подъ деревьями), какъ Берлинское

Unter den Linden, и мысъ Кереджъ-бурну (известковый мысъ), вооруженный баттареею, построенною Султаномъ Селимомъ III; кромѣ того у Грековъ здѣсь разъ въ годъ бываетъ богомолье (панагири) при святомъ ключѣ (аясма). Минновавъ довольно большую фабрику, на которой починиваются Австрійскіе пароходы, полюбовавшись домомъ Французскаго Посланника, съ большимъ красивымъ садомъ и террасой, съ которой разстилается обширный видъ на Босфоръ, остановимся въ деревнѣ Терапіи. До Греческаго возстанія сюда переселялся на лѣто почти весь Фанаръ, Греческій кварталъ Стамбула, и Терапія слыла однимъ изъ главнѣйшихъ мѣстъ Босфора. Теперь не то: хотя здѣсь находятся виллы Англійскаго и Французскаго Посланниковъ и живетъ Греческій Епископъ съ нѣкоторыми Фанаріотами, хотя здѣсь довольно красивыхъ домиковъ, отдающихся въ наемъ на лѣто, однакожь Терапія должна уступить пальму первенства Буюкдере. Расположенная террасой, при входѣ въ двѣ небольшія долины, Терапія носила прежде названіе Фармакіи, потому что Медея оставила здѣсь коробочку съ чародѣйными травами; въ Терапіи существовалъ въ Византійскія времена дворецъ, а нынѣ находится Султанскій кіоскъ (кёшкъ), деревянный павильонъ съ большимъ садомъ; въ углубленіи долины есть фонтанъ превосходной воды, называемый «холодный фонтанъ». Терапійскій кіоскъ пользовался особеннымъ расположеніемъ покойнаго Султана, жившаго здѣсь два лѣта, которыя были одними изъ лучшихъ и спокойнѣйшихъ его царствованія.

За мысомъ Ахпръ-бурну (послѣдній мысъ), лежитъ Календеръ (дервишское мѣсто), и деревушка и укрѣпленіе, построенное Султаномъ Махмудомъ II, Кёй-баши (глава

деревня), примыкающее къ большой и населенной преимущественно Греками. Ени-кёй, по-Гречески Νὲο χωριον, что̀ значитъ на обоихъ языкахъ *новая деревня*: потому что она принадлежитъ къ числу недавнихъ поселеній на Босфорѣ (по словамъ Эвлія-Челеби, со временъ Султана Сулеймана). Ени-кёй напоминаетъ отважный наѣздъ Казаковъ, которые, назадъ тому два вѣка, проникли, по Черному морю и Босфору, даже досюда, опустошая все на своемъ пути. Классическое имя слѣдуетъ за Ени-кёй: это— Истенія, въ древности Lasthenès: на этомъ мѣстѣ, тогда лѣсистомъ и дикомъ, Амикусъ хотѣлъ задержать Аргонавтовъ, но былъ побѣжденъ, и на полѣ побѣды воздвигнутъ храмъ, обращенный Константиномъ Великимъ въ церковь Св. Михаила; кромѣ того здѣсь стоялъ загородный дворецъ Византійскихъ Императоровъ. Какъ измѣняли свои названія Босфорскія прибрежья, можно судить по слѣдующей деревнѣ Эмирганъ-кёй (деревня Эмиргана): въ древности здѣсь былъ храмъ Гекаты, почему и вся мѣстность носила названіе Trivia, эпитетъ Діаны (Гекаты); потомъ деревня прозывалась Kiparodhis, отъ росшихъ здѣсь кипарисовъ, и наконецъ при Туркахъ называлась Феридунъ-Паша-багчеси (огородикъ Феридуна-Паши). Бояджи-кёй (деревня красильщика), и Балта-лиманъ (заливъ топора) съ деревней того же имени слѣдуютъ за Эмирганъ-кёй: Балта-лиманъ дано въ честь Балта-оглу, Адмирала Султана Мухаммеда II, который стоялъ здѣсь съ своимъ флотомъ передъ взятіемъ Константинополя.

Обозрѣвъ внимательно такое пространство, не льзя не утомиться, не льзя не отдохнуть, чтобъ собраться съ мыслями: здѣсь такъ много красотъ, такъ часто перемѣняются пейзажи, что и пройденнаго нами пространства достало

бы на то, чтобы прославить нѣсколько десятковъ верстъ, и притомъ изъ каждой красивой мѣстности выглядываетъ историческое событіе. Прибавьте къ этому живописные, легкіе *ялы* (дачи), у которыхъ волны морскія разгуливаютъ въ саду или по террасамъ, пестрые костюмы гуляющихъ и негуляющихъ, безчисленныя стаи каиковъ, скользящихъ по Босфору, безподобные виды на Азіатскій берегъ, ароматный воздухъ, пѣніе соловьевъ — и неужели еще не согласитесь вы, что здѣсь эдемъ?... Одинъ воздухъ Босфорскій не имѣетъ себѣ соперника въ цѣломъ мірѣ: горная сухость увлажается здѣсь морскими парами и прохлаждается вѣтрами Чернаго моря. Но, сидя въ роскошномъ ялы, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, оставьте всякую мысль, особенно не вздумайте совершить прогулку по горнымъ вершинамъ: тамъ сухая, но плодородная почва брошена на произволъ судьбы, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ эдема вы видите пустыню.

Буюкдере раздѣляетъ эту часть Босфора на двѣ половины: виды вездѣ равно живописны; но прибрежье къ Черному морю отличается болѣе дикими пейзажами и меньшею населенностью; по сю сторону Буюкдере и въ самомъ Буюкдере болѣе живетъ дачное Европейское населеніе Константинополя и Воскресенье здѣсь самый лучшій и оживленный день въ недѣли.

Быстрое теченіе крутитъ каики, идущіе изъ Перы въ Буюкдере: это — шейтанъ-акиндиси (сатанинно теченіе), называвшееся въ древности Pyrrhias kion (красная собака). Мысъ, гдѣ вертятся воды Босфора, составлялъ прежде постоянный предметъ ужаса: у Византійцевъ онъ именовался *мысомъ казней*, а у Турокъ — башъ-кесенъ (головорѣзъ). При владычествѣ первыхъ здѣсь стояла крѣпость; Султанъ

Мурадъ II также построилъ здѣсь укрѣпленія, а Султанъ Мухаммедъ II, для покоренія Царяграда, воздвигнулъ здѣсь, въ три мѣсяца, три башни, составляющія нынѣшній Румели-хисаръ (Европейскій замокъ), который, съ Азіатскаго берега, представляетъ, своими тремя башнями и стѣнами, четыре буквы Арабскаго имени Мухаммедъ (М, Х, М и Д: гласныя въ Арабскомъ опускаются). Въ этомъ замкѣ совершались прежде казни Янычаръ, и, въ новѣйшее возстаніе ихъ, было здѣсь убито и брошено въ волны Босфора нѣсколько тысячъ мятежниковъ: только пушечный выстрѣлъ возвѣщалъ Стамбулу о жертвѣ, принесенной Босфору. Но къ этой мѣстности привязаны еще очень древнія воспоминанія: здѣсь переходило по мосту войско Дарія, черезъ Босфоръ, въ ознаменованіе чего поставлены были двѣ колонны съ именами народовъ-данниковъ Персіи; здѣсь же переходили черезъ Босфоръ и Крестоносцы. Эти переправы воителей изъ одной части свѣта въ другую потому совершались здѣсь, что Босфоръ у замковъ шириною не болѣе 400 саженъ. Въ настоящее время замокъ Румелійскій принадлежитъ къ числу незначительныхъ Босфорскихъ укрѣпленій, хотя онъ довольно великъ и снабженъ пушками. Подлѣ него лежитъ красивая деревня Бебекъ (зрачекъ), которой главную занимательность составляетъ «кіоскъ конференціи», обновленный Султаномъ Селимомъ III,—небольшое изящное зданіе, въ густой зелени, отъ котораго былъ въ восторгѣ извѣстный Оріенталистъ Гаммеръ. За деревней находится мысъ Акинди-бурну (мысъ теченія), въ древности Esties, измѣненное въ Megharenta (великое теченіе), какъ его называютъ и нынѣшніе Греки, а за мысомъ расположена деревня Арнаутъ-кёй (деревня Албанская).

Если еще не наскучили вамъ классическія воспоминанія, то за Арнаутской деревней припомнимъ древнюю Bythias, такъ-называвшуюся отъ высокихъ мысовъ, защищавшихъ ее: здѣсь Медея посадила лавръ и здѣсь же былъ разбитъ Виталіенъ. Миновавъ Саррафъ-бурну (мысъ банкира), въ древности «губа Изисова», мы должны остановиться на отдыхъ въ деревнѣ Куру-чешме (сухой источникъ), тѣмъ болѣе, что мы, Русскіе, можемъ разсчитывать здѣсь на благосклонный пріемъ. Въ древности эта мѣстность называлась Calames, отъ множества тростника; деревня Куру-чешме лежитъ въ узкой лощинѣ, обитаема разными племенами изъ раій (Христіанскихъ подданныхъ Турціи), почему и дома здѣсь всѣ темнаго цвѣта. Греки имѣютъ здѣсь церковь съ мраморнымъ поломъ, аясму Св. Димитрія и школу, въ коей преподаются 300 ученикамъ нѣкоторыя Науки и языки Греческій, Латинскій и Французскій; Константинопольскій Патріархъ иногда пріѣзжаетъ сюда на отдыхъ. На возвышеніи стоитъ большой домъ Болгарскаго Князя Богорида. Мѣстность Куру-чешме, гдѣ до Греческаго возстанія жило высшее Православное Духовенство Цареградское, имѣетъ то неудобство, что въ заливъ ея сносятся Южными вѣтрами разныя нечистоты, плавающія по Босфору.

Потомъ является одно изъ большихъ Босфорскихъ селеній Орта-кёй (средняя деревня), въ древности Archion: свѣжая растительность разстилается надъ ней, но нижняя часть деревни грязна. По двумъ бокамъ Орта-кёй находится три кіоска Султаншъ, т. е. сестеръ Султана и матери его; но это некрасивые, довольно мрачные кіоски, съ рѣшетчатыми окнами, населенные только евнухами да женщинами, скорѣе портящіе пейзажъ, нежели украшающіе

его. Деревня Бешикъ-таши (колыбельный камень), сосѣдка Орта-кёй, называлась когда-то Diplokionion (соединенныя колонны), а въ самой глубокой древности Ясоніонъ, потому что здѣсь приставалъ Ясонъ на пути въ Колхиду. Нынѣ эта деревня населена преимущественно Мусульманами; на берегу смотрятся въ волны Босфора дачи зажиточныхъ Османлу, а наверху колышутся вѣтромъ дубы, платаны и кипарисы. Густота Мусульманскаго народонаселенія, обиліе мечетей и значительность селеній показываютъ, что мы уже близко къ Стамбулу. На краю Бешикъ-таши находится Султанскій дворецъ и мечеть Черлекъ-Мустафы-Эфенди: плывя въ каикѣ мимо Султанскаго дворца, каждый, кто бы онъ ни былъ, обязанъ опустить зонтъ, не курить, не говорить громко, не показывать оружія и проч. и проч.— что̀ все перечислитъ вамъ везущій васъ каикчи. Этотъ дворецъ, находящійся на мѣстѣ, называемомъ Чираганъ (свѣтильникъ), почему и самое зданіе носитъ то же имя, въ мое время только что отдѣлался и еще оканчивали подлѣ каменную набережную, которыя на Босфорѣ, при сильномъ стремленіи воды, необходимы. Относительно этого дворца я долженъ сказать горькую истину: построенный въ Европейскомъ вкусѣ, онъ не имѣетъ ничего ни грандіознаго, ни привлекательнаго, и, лишившись Восточной вычурности, много уступаетъ Русскому дворцу въ Перѣ. Внутренность отдѣлана по-Европейски, но аляповато, и залы, за отсутствіемъ всякой мебели, представляютъ видъ концертныхъ залъ; замѣчательно лишь обиліе свѣта въ этомъ дворцѣ и еще отчасти аудіенцъ-залъ; кіоскъ, выходящій на Босфоръ, состоитъ весь изъ одной комнаты. Нынѣшній Султанъ проводитъ здѣсь весну и осень. Кромѣ дворца, въ Бешикъ-

таши достойна вниманія Политехническая Школа, основанная покойнымъ Султаномъ: здѣсь находится до 300 учениковъ, назначаемыхъ въ военную школу. Разумѣется, что объ успѣхахъ этихъ учениковъ никто ничего не вѣдаетъ. Изъ Бешикъ-таши ежегодно 12-го Реждеба отправляется въ Мекку *сурре-и-гумаюнъ* (августѣйшій кошелекъ) — подарки Султана Меккской мечети, сопровождаемые богомольцами.

У Бешикъ-таши, по извѣстію Михаила Дуки, Султанъ Мухаммедъ-Завоеватель приказалъ перетащить черезъ горныя вершины легкія свои суда изъ Босфора въ Золотой Рогъ, что рѣшило участь Константинополя. Это событіе не напоминаетъ ли намъ, Русскимъ, сухопутное шествіе лодій Олеговыхъ къ Царюграду? Вѣроятно, Византійская цѣпь на Босфорѣ у Каваковъ и противные вѣтры не пустили Русскихъ воителей въ Босфоръ, и легкія лодьи были перетащены, изъ долины близъ Бѣлграда, называемой Домузъ-дере (свиная долина), по отлогостямъ и долинамъ, до самаго Золотаго Рога; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ упомянутой долинѣ, по словамъ Турокъ, предполагалась высадка Русскихъ войскъ при Екатеринѣ Великой, а въ 1828 году здѣсь даже стояли лагеремъ Турецкія войска, въ предупрежденіе Русскаго десанта.

Между Бешикъ-таши и деревней Долма-багче находится школа (медресе) съ надгробной молельней (тюрбе) Хайръ-удъ-дина Паши, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Барбароссы. Селеніе Долма-багче расположено на красивой долинѣ: оно было особенно оживлено во время свадьбы Халиль-Паши съ Селихе, дочерью покойнаго Султана, когда здѣсь давались великолѣпные фейерверки, и потомъ во время свадьбы Михрманъ; нынѣ здѣсь находятся на

скатахъ холмовъ двѣ казенныя оружейныя фабрики, построенныя Султаномъ Махмудомъ II.

Небольшое пространство отдѣляетъ насъ отъ обѣтованнаго конца Европейскаго берега Босфора — отъ предмѣстій Перы и Галаты, гдѣ останавливаются всѣ путешественники, приносимые моремъ и сушею изъ Европы. На этомъ пространствѣ находятся только два предмѣстія: Фундукли и Топхане, надъ которыми, по вершинѣ холмовъ, лежитъ Пера, а къ Топхане примыкаетъ Галата. Я не буду описывать подробно ни Топхане, ни Галаты, ни Перы: это было бы утомительно; ограничусь лишь нѣсколькими чертами.

Топхане (домъ пушекъ) такъ называется отъ большихъ трехъ-этажныхъ артиллерійскихъ казармъ, построенныхъ, по рисунку Тюльери, на самомъ берегу: Султанъ Махмудъ II выстроилъ при нихъ довольно большую и красивую мечеть; кромѣ того здѣсь есть еще заводъ для литья пушекъ, мечеть Піяле-Паши съ большимъ и краснвымъ фонтаномъ, овощный рынокъ и цѣлая линія маленькихъ заведеній, въ которыхъ работаютъ извѣстныя *стамбулки* (трубки), цѣною отъ 2 коп. до 4 руб. ассиг. за штуку. Въ древности эта мѣстность называлась Mélopon (чело), по своей фигурѣ, и здѣсь были жертвенники Аполлона, а въ окрестностяхъ стояли храмы Діаны Фосфорской и Минервы Мирной; теперь же на этихъ мѣстахъ страшная толкотня и грязь около пристани, отъ которой уже начинается туча купеческихъ кораблей со всего свѣта; на сушѣ кричатъ и снуютъ подлѣ овощнаго базара носильщики (хаммалы), каикчи (лодочники,) топочутъ лошади и ревутъ ослы, и весь этотъ шумъ и крикъ прекращается только на ночь, когда запираются ворота всѣхъ кварталовъ: потому что въ Стамбулѣ заведенъ обычай запирать каждый квар-

талъ отдѣльно, хотя, не смотря на такія предосторожности и караульныхъ у каждыхъ воротъ, грабежи и убійства здѣсь весьма не рѣдки. Топхане населенъ Турками.

Галата, старинное Генуэзское предмѣстіе, еще донынѣ сохранила стѣны и массивную башню своихъ строителей: съ высоты этой башни видъ на Стамбулъ и окрестности очень красивъ. Въ Галатѣ большею частію находятся каменные магазины Европейскихъ купцовъ, Христіанскія церкви; но есть и Мусульманское населеніе и отчасти Еврейское; здѣсь же находится Турецкая таможня и морская канцелярія. Прежде эта мѣстность принадлежала къ Царюграду подъ именемъ Сикены (отъ Греческаго σῦκα, смоква); названіе же Галаты, вѣроятно, дано отъ Галловъ (по-Гречески Γαλατες), хотя Эвлія-Челеби и утверждаетъ, что названіе «Галата», значащее будто-бы по-Гречески молоко, произошло отъ пасшихся здѣсь, во время Искендера Греческаго, коровъ, дававшихъ молоко къ царскому столу.

Не буду говорить ничего о главной улицѣ Перы, гдѣ Стамбульская жизнь смотритъ немножко по-Европейски, ни о кофейняхъ, ни о большомъ и маломъ «Полѣ мертвыхъ»,— лучшихъ мѣстахъ для прогулки, ни объ огромныхъ Турецкихъ казармахъ, передъ которыми Оттоманскіе мальчики-солдаты учатся, на потѣху Европейцевъ, маршировкѣ и даже фехтованью, ни о «текіе» дервишей Мевлеви, ни о казармахъ гальюнджи (матросовъ), ни объ огромномъ бассейнѣ для постройки судовъ, ни о казармахъ матросовъ «низамъ-джедида» (реформы), ни о дворцѣ Капудана-Паши (Великаго Адмирала), ни о медицинской школѣ въ Галата-сараѣ, бывшемъ училищѣ пажей, ни о деревянномъ зданіи Италіянской оперы съ надписью: «Саен-Абдуль-Меджидъ»: поговоримъ лучше о дворцахъ главныхъ Европейскихъ

посольствъ. Внизу Перы, въ Топхане находится дворецъ Австрійскаго Посольства,— древнее зданіе, наслѣдованное еще отъ Венеціанской Республики; нѣсколько выше выстроенъ въ недавнее время дворецъ Французскаго Посольства, изъ непрочнаго Мальтійскаго камня, давшаго, впрочемъ, по своей мягкости, возможность украсить окна, двери и карнизы дворца узорною рѣзьбой, въ которой часто повторяется вензель покойнаго Короля Людовика-Филиппа и Галльскій пѣтухъ. Высшую и самую красивую мѣстность занимаетъ огромный Русскій дворецъ, построенный изъ отличныхъ большихъ камней, въ три высокіе этажа, поражающій своею громадностію всѣхъ, прибывающихъ въ Царьградъ изъ Пропонтиды. Во время моего пребыванія, Русское Посольство жило во дворцѣ еще первую зиму. Съ красивой галереи бельэтажа и съ плоской кровли дворца открывается обширный и очаровательный видъ на Босфоръ, Мраморное море, Царьградъ и окрестности. Постройка такого громаднаго зданія, естественно, должна была возбудить зависть во многихъ и очень многихъ, которые, отъ нечего дѣлать, припялись увѣрять, что Русскіе строятъ здѣсь крѣпость, въ которую возятъ, по почамъ, съ своихъ пароходовъ, пушки. Какъ ни нелѣпа казалась такая сказка, однакожь, зная еще болѣе нелѣпое легкомысліе Турецкихъ властей, пригласили, по окончаніи дворца, нѣсколькихъ сановниковъ Турецкихъ и показали имъ, подъ видомъ пріятнаго зрѣлища (*тамаша*), всѣ закоулки въ зданіи. По другую сторону улицы находятся еще нѣсколько корпусовъ, занимаемыхъ купеческою Русскою Канцеляріею, Почтамтомъ и драгоманами.

Домъ Англійскаго Посольства еще только предполагали строить при мнѣ: огромный пожаръ 1832 года и нѣ-

сколько другихъ истребили почти всю Перу, почему большая часть Посольствъ должны были строиться вновь.

Въ Перѣ есть и Мусульмане, и притомъ еще такіе, которые ведутъ торгъ невольницами-Черкешенками. Названіе Пера есть Греческое и значитъ *насупротивъ*; по-Турецки это предмѣстіе называется Бей-оглу (Княжескаго сына), по случаю пребыванія въ немъ Императора Алексія Комнина, послѣ паденія Имперіи.

Какую разнообразную и полную контрастовъ картину развилъ передъ нами Европейскій берегъ Босфора: вѣчно-голубое небо, вѣчно-стремящійся куда-то Босфоръ, вѣчно-юная и живописная Природа — и на этой смѣющейся почвѣ столько ниспровергнутыхъ жертвенниковъ древности, столько разрушенныхъ храмовъ Христіанства, столько кровавыхъ воспоминаній торжествующаго Ислама, слѣды перекочевки многихъ милліоновъ изъ одной части свѣта въ другую! Прибавьте къ этому еще многое другое, о чемъ я не могъ и не хотѣлъ упоминать вскользь: бореніе соперничествъ Христіанскихъ, грозу фанатизма Мусульманскаго, который нигдѣ не проявляется съ такою силою и яростію, какъ въ Стамбулѣ, въ виду многочисленныхъ казармъ и неуклюжихъ громадныхъ кораблей, при громѣ Босфорскихъ укрѣпленій, маленькое пахальство Европейцевъ, придирчивость Турецкихъ властей и необузданное буйство Мальтійскихъ бродягъ, въ надеждѣ на пристрастное и непоколебимое покровительство Англіи заводящихъ разбои въ самыхъ предмѣстіяхъ Константинополя; частые и огромные пожары; узкія и нечистыя улицы; высокіе деревянные дома, качающіеся отъ вѣтра; стаи собакъ; толпы женщинъ съ закрытыми лицами, оригинальные пестрые костюмы, оригинальный бытъ, ориги-

нальный складъ мысли, однимъ словомъ все оригинальное до брани включительно — и все-же вы еще не будете имѣть понятія о томъ странномъ соединеніи красоты и безобразія, которое представляетъ Стамбулъ путешественнику-наблюдателю.

Но оставимъ общіе очерки и характеристическіе анекдоты до другаго времени и обратимся къ Азіатскому берегу Босфора.

При входѣ съ Чернаго моря здѣсь также возвышается скала, принадлежащая къ группѣ Кіанейскихъ острововъ и упоминаемая еще Страбономъ: берегъ Понта здѣсь скалистъ и дикъ; на немъ стоитъ старинная башня Медеи, нынѣ обращенная въ маякъ, почему и обпаженная деревня и укрѣпленіе, расположенные подлѣ, называются Анатоли-фануси (Азійскій Фаросъ). Не смотря на блѣдные огни, зажигаемые каждую ночь на обоихъ маякахъ, Европейскомъ и Азіатскомъ, кораблекрушенія здѣсь не рѣдки: входъ въ Босфоръ осенью и весной большею частію закрытъ туманами, и притомъ къ Сѣверу отъ входа море имѣетъ сходное очертаніе, такъ что и опытные моряки иногда, вмѣсто Босфора, попадаютъ на скалы. Не задолго до моего пріѣзда въ Константинополь одно судно, шедшее, изъ экономіи, безъ всякаго освѣщенія, приняло фонарь какого-то парохода за Босфорскій маякъ и было раздавлено морскимъ бѣгуномъ.

Населеніе Азіатскаго берега начинается нѣсколькими въ безпорядкѣ раскиданными домиками, на горѣ, подлѣ Боръясы-лимана (Борейскаго залива), въ древности Hilon; здѣсь стоитъ главнѣйшее Азіатское укрѣпленіе Босфора, близъ котораго находится другое, покинутое. Далѣе воз-

выпается гора Юросъ, получившая свое названіе отъ «Іеропъ» (священный): потому что по-близости стоялъ знаменитый храмъ Юпитера Уріуса, а искателями золотаго руна здѣсь были воздвигнуты двѣнадцать жертвенниковъ двѣнадцати главнымъ божествамъ. На вершинѣ горы, гдѣ прежде стоялъ Азійскій маякъ, расположенъ старый замокъ, извѣстный подъ именемъ Генуэзскаго: онъ имѣетъ фигуру неправильнаго параллелограма, въ окружности около трехъ верстъ; стѣны его, большею частію обвалившіяся, идутъ по скату горы, почти до самаго моря, по временамъ прерываясь круглыми башнями; на самомъ верху находится отдѣльное укрѣпленіе. Надъ дверями въ разныхъ мѣстахъ сохранились донынѣ надписи по сторонамъ символа Христіанства— Креста:

$$\overline{\Delta}\ \overline{\pi} \qquad \overline{\varphi\sigma}\ \overline{\chi\gamma}$$

II.

$$\overline{\mu}\ \overline{\sigma} \qquad \overline{\varphi\sigma}\ \overline{\pi\sigma}$$

Архитектура башенъ, уже довольно обвалившихся, напоминаетъ болѣе Византійскую постройку, нежели Генуэзскую; извѣстно, что Халкидоняне и Византійцы долго оспаривали здѣшнее укрѣпленіе, попавшее-было въ руки Виѳинскаго Государя Прузія.

Довольно углубленный заливъ Кавакъ-лимани (заливъ платана) окаймленъ селеніемъ Анатоли-кавакъ, подъ пару Европейскому каваку, съ укрѣпленіями, построенными въ 1624 году Султаномъ Мурадомъ IV: здѣсь прежде происходили морскія битвы Генуэзцевъ съ Византійцами, а нынѣ останавливаются для осмотра всѣ суда, идущія въ Черное море или только ожидающія попутнаго вѣтра; въ этой же деревнѣ жили Русскіе Офицеры, во время лагер-

ной стоянки въ 1833 году. Далѣе возвышается Исполинова гора,—Византійское названіе, измѣненное новѣйшими Греками въ гору могилы Эллина, а Турками — въ Юшадаги (гора Іисуса Навина); высота ея, впрочемъ, не болѣе 186 метровъ надъ морскимъ уровнемъ. На вершинѣ этой горы, называвшейся въ древности Νοτα τον Ἡρακλεους (Геркулесовы рамена), находится могила Исполина, гдѣ стоитъ маленькая мечеть постройки Султана Османа. Благочестивые Мусульмане придумали, что здѣсь находится могила исполина Юши, упоминаемаго въ Алкоранѣ и соотвѣтствующаго библейскому Іисусу Навину, при чемъ Турки прибавляютъ, что Пророкъ Юша былъ посланъ Мусоей въ Румелію, гдѣ онъ, во время битвы, остановилъ солнце, что побудило жителей принять Исламъ. Оставляя въ сторонѣ басню о могилѣ Юши на берегахъ Босфора, мы найдемъ источникъ ея въ могилѣ страшнаго Амикуса, побѣжденнаго Аргонавтомъ Поллуксомъ, и, вѣроятно, погребеннаго на этомъ мѣстѣ. Видъ съ Исполиновой горы и обширенъ и великолѣпенъ; однимъ взглядомъ вы окидываете половину Босфора и темную даль Чернаго моря. Эта возвышенная мѣстность избрана Стамбульскимъ начальствомъ для наблюденія за появленіемъ луны въ началѣ и концѣ Рамазана и дождевыхъ тучъ съ Чернаго моря во время лѣтнихъ засухъ.

Подъ горою Юши лежитъ, на берегу Босфора, восхитительное мѣсто для прогулокъ, называемое по-Турецки Сютлидже и сильное укрѣпленіе Маджаръ-кальяси (Мадьярская крѣпость), или Юша-кальяси (крѣпость Юши). Здѣсь поставлено на каменномъ укрѣпленіи 32 пушки, да еще между земляными насыпями 25 пушекъ. Потомъ является памятный для Русскихъ войскъ мысъ Серви-

бурну (мысъ кипариса), въ просторѣчіи Севли-бурунъ, и долина съ заливомъ Хункяръ-скелеси (пристань Султана): въ этой долинѣ стояли въ 1833 году Русскія войска, пришедшія на помощь Турціи противъ Мегеметъ-Али. Въ память пребыванія ихъ, поставлена Султаномъ Махмудомъ небольшая скала, на Мысѣ Кипариса, и на этомъ грубомъ камнѣ изсѣчены слѣдующіе не очень изящные Турецкіе стихи Пертевъ-Эфенди:

Бу сахрае мюсафиръ гельди гетти аскери Руси,
Бу сенги кухи пейкеръ ядгаръ олсунъ ишанъ калсунъ
Вефаки девлетининъ бойле дурсунъ севабити мюхкемъ,
Лисани дустанде дестани чокъ заманъ калсунъ.

Стихи эти значатъ вотъ что:

На это поле приходилъ и ушелъ гость — Русское войско:
Этотъ горообразный камень пусть будетъ память, пусть останется знакомъ!
Сочувствіе его Правительства пусть будетъ столь же постоянно, какъ неподвижныя звѣзды!
Пусть на языкѣ друзей разсказъ объ этомъ останется на долго!

Поэтъ-полиглоттъ, мало извѣстный свѣту, урожденецъ береговъ Босфора, перевелъ это четырехстишіе такъ по-Французски:

L'oiseau des Tzars rasa cette brillante plage.
Que ce roc colossal se dresse en monument
Pour raconter aux temps son paisible passage
Et figurer l'accord de l'aigle et du croissant!

Увы! едва прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ воздвигнута эта скала, и уже на долинѣ Султана кочева-

ли, какъ друзья Турецкаго Правительства, тѣ самыя войска, которыхъ побѣдоносное шествіе остановилъ великодушно Русскій Государь.

Одна изъ пріятнѣйшихъ и обширнѣйшихъ Босфорскихъ долинъ, Хункяръ-скелеси, бо́льшую часть года украшена фіалками, маргаритками, анемонами; по срединѣ ея журчитъ ручеекъ. Но матеріализмъ прокрался и на эту роскошную долину, которую иные сравниваютъ съ эдемомъ: на ручьѣ, близъ Босфорскаго берега, стоитъ суконная фабрика, построенная первоначально Султаномъ Селимомъ III для дѣланія бумаги; близъ нея, почти на самомъ берегу Босфора, находится кожевенный заводъ, построенный нынѣшнимъ Султаномъ.

Небольшая деревушка Ялы-кёй (дачная), сопредѣльна съ красивою деревнею и заливомъ Бейкосъ (большой орѣхъ), расположенной въ зелени виноградниковъ: здѣсь въ древности было мѣстопребываніе бойца-властителя Вевриківскаго Амикуса, и здѣсь же росъ «бѣшеный лавръ», котораго листья поселяли раздоръ всюду, куда ихъ ни приносили.

Миновавъ нѣсколько мѣстностей мало замѣчательныхъ, остановимся у Азіатскаго залива и прѣсныхъ водъ Азійскихъ.

Анатоли-хисари (Азіатскій за́мокъ), построенный, по мнѣнію однихъ, Византійцами, а по мнѣнію другихъ—Султаномъ Мухаммедомъ I или Баязидомъ-Молніей, и называвшійся первоначально Гюзель-хисаръ (красивый за́мокъ), а потомъ Кара-хапусъ (черная тюрьма), состоитъ, также какъ и Европейскій, изъ башенъ, соединенныхъ стѣнами, въ окружности, какъ и тотъ же, около версты, но пре-

данъ на волю времени, такъ что здѣсь нѣтъ даже и пушекъ, а черезъ стѣны выставляются домы стражей, обитающихъ здѣсь въ совершенной безмятежности.

Между Азіатскимъ замкомъ и Кёрфюзъ-кёй находится покинутый деревянный кіоскъ Хусейнъ-Паши, нынѣ принадлежащій какому-то Армянину: наружность его довольно проста, но внутри расположеніе комнатъ и отдѣлка заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе, и потому, не смотря на то, что арабески внутреннихъ покоевъ уже обвалились, мы посѣтимъ это запущенное жилище Османскаго вельможи. Прямо изъ волнъ Босфора вы вступаете въ залъ, центръ котораго занимаетъ мраморный фонтанъ, а по тремъ бокамъ выдались комнаты-фонарики: залъ отдѣланъ рѣзными и раскрашенными арабесками, а потолокъ— золочеными. Сзади зала дверь и лѣстница въ низкій второй этажъ, служившій гаремомъ, въ которомъ есть красивый залъ съ окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; подъ гаремомъ расположены комнаты для прислуги, оканчивающіяся низкими деревянными столбами; на дворѣ стоятъ высокіе столбы, на которыхъ шла галерея къ особенному павильону, отдѣланному въ Персидскомъ вкусѣ. Такова большая часть Босфорскихъ кіосковъ.

За Анатольскимъ замкомъ на Азіатскомъ берегу находится цвѣтущая долина «прѣсныхъ водъ». Когда вы плывете по Босфору, то кіоски и густая тѣнь рощи на этой долинѣ соблазняютъ васъ противъ воли выйти на берегъ и предаться кейфу, въ который погружены рои Мусульманъ, гуляющихъ здѣсь по Пятницамъ. Эта долина орошается рѣчкою Гёкъ-су (голубою), по которой и вся мѣстность называется Гёкъ-су, и ручьемъ Кучюкъ-су (малою рѣчкою), впадающими въ Босфоръ; черезъ нихъ

перекинуты красивые мосты, подлѣ которыхъ расположены кофейни. Между устьями рѣчекъ, на берегу морскомъ, стоитъ, подъ тѣнью тополей, изящный фонтанъ, отъ котораго прямо въ глубину долины, усаженной деревьями, идетъ красивая и широкая аллея. Справа отъ фонтана стоитъ старый Султанскій кіоскъ, построенный Эминъ-Мухаммедомъ Пашей, съ мечетью и казармами; въ глубинѣ долины есть другія казармы, а сзади ея лежитъ гора Алемъ-даги (гора міра). До Махмуда I вся эта живописная мѣстность принадлежала Султанамъ; по извѣстію Страбона, въ Гёкъ-су водились будто бы небольшіе крокодилы.

Значительная деревня Кандилли слѣдуетъ за долиною Прѣсныхъ водъ. Эта красивая деревня, которую Оріенталистъ Гаммеръ ставитъ превыше всѣхъ Босфорскихъ селеній, расположена, какъ и большая часть здѣшнихъ деревень, на долинѣ, по горному скату и на горѣ, населена Турками, Армянами и Греками. Турецкое названіе ея Кандилли (ламповая) происходитъ отъ того, что здѣсь ночью зажигались, вокругъ одного кипариса, по приказанію Султана Мурада, лампы: такъ какъ здѣсь прежде Султаны имѣли дворецъ.

За Вани-кёй лежитъ долина и деревня Куле-багчеси (башенный садъ), иначе Кулели (башенная), такъ названная потому, что здѣсь когда-то, на краю долины, стояла древняя мраморная башня, разрушенная Ибрагимомъ-Пашой (по извѣстію Эвлія-Челеби, башня построена Селимомъ I); кромѣ того здѣсь былъ дворецъ Сулеймана-эль-Кануни (Законодателя, извѣстнаго у насъ подъ именемъ *великолѣпнаго*) и видны донынѣ остатки церкви. Въ деревнѣ Кулели находятся огромныя кавалерійскія казармы, построенныя въ 1827 году Хосревъ-Пашой.

Селеніе Бейлеръ-бей (Князь Князей) основалось не очень давно, преимущественно со временъ Султана Абдуль-Хамида, построившаго здѣсь мечеть, бани и лавки. Главное украшеніе Бейлербея составляетъ дворецъ, воздвигнутый покойнымъ Султаномъ,—массивное зданіе, котораго главный корпусъ, въ два равные этажа, тянется вдоль Босфора, со множествомъ рѣшетчатыхъ оконъ. Снаружи дворца, состоящаго изъ главнаго корпуса и двухъ крыльевъ, замѣчательна колоннада Дорическаго ордена, съ широкой мраморной лѣстницей, архитравъ съ карнизомъ и балюстрадой, и входъ съ шестью Коринѳскими столбами. Внутренность дворца отдѣлана большею частію по-Европейски: здѣсь висятъ огромныя зеркала, красуются дорогія вазы, бьютъ прохладные фонтаны; сзади дворца, по скату горы, идетъ террасами живописный садъ, открытый любопытнымъ взорамъ. Этотъ дворецъ лучше Чирагана; въ немъ проводитъ Султанъ лѣто. Къ селенію Бейлербей, мѣстность котораго довольно красива, примыкаетъ деревня Ставросъ (крестъ), по-Турецки Иставросъ, такъ именованная потому, что здѣсь, по преданію, Константинъ Великій водрузилъ Св. Крестъ; донынѣ видны здѣсь развалины церкви и монастыря.

Миновавъ нѣсколько мѣстностей, мы достигаемъ наконецъ огромнѣйшаго Азіатскаго предмѣстія — Скутари. Въ древности этотъ городъ назывался Хрисополисъ (золотой городъ),—названіе, причина котораго толкуется различно, и посему я не привожу всѣхъ объясненій; потомъ онъ былъ прозванъ Скутари, отъ стоявшихъ здѣсь войскъ съ щитами (scutatus); Турки же передѣлали это имя въ Ускударъ. Здѣсь переправлялся десяти-тысячный Греческій корпусъ Ксенофонта; здѣсь останавливались Персы,

Аравитяне и Крестоносцы при нападеніяхъ на Византію. Портъ Хрисополиса былъ обширнѣе нынѣшняго, а Филиппъ построилъ здѣсь дворцы и другія зданія; Византійскіе Императоры нерѣдко жили въ Скутарскомъ дворцѣ. Нынѣ Скутари составляетъ довольно значительный городъ, въ которомъ находятся бани, базары, благотворительныя заведенія, школы, караванъ-сарай (хане) и нѣсколько мечетей; замѣчательнѣйшія изъ послѣднихъ: Чинили-джами (фаянсовая), построенная въ 1557 году матерью Султана Мурада VI Пурбане-Султанъ; Аясма-джамиси (священнаго родника), построенная Султаномъ Мустафой III; Искеле-джамиси (пристани), построенная дочерью Сулеймана Михрмахъ Ханымъ-Султанъ, въ 1547 году. Но особеннаго примѣчанія достойна изящная и большая мечеть Султана Селима III, отличающаяся, подобно Махмудовой мечети въ Топхане, обиліемъ красивыхъ арокъ и разныхъ размѣровъ оконъ съ узорчатыми рѣшетками. Скутари преимущественно населенъ торгующими Мусульманами, такъ что здѣсь сосредоточивается караванная торговля Царяграда съ Азіей, какъ въ Галатѣ—морская съ Европой. Сзади Скутари находятся кварталы: Ени-махале (новый) и Салямъ-сизъ (безъ привѣтствія), въ которыхъ живутъ Армяне, имѣющіе здѣсь и школу, а внѣ Скутари лежитъ огромное Мусульманское кладбище съ густою и большою кипарисною рощею. Стамбульскіе Турки преимущественно хоронятъ себя на Азіатскомъ берегу, считая его болѣе приличнымъ для благочестиваго Мусульманина, а даже въ Галатѣ есть пристань, называемая Ментъ-скелеси (пристань мертвыхъ), перевозимыхъ въ Скутари. Съ Южной стороны Скутари расположены, на прекрасной мѣстности, огромныя каменныя казармы,—массивное четвероугольное

зданіе, съ башнями по угламъ, окруженное разными пристройками для конюшенъ и проч. Эти казармы построены Султаномъ Махмудомъ на 6,000 человѣкъ, но полнаго комплекта войскъ здѣсь не находится. Къ Востоку за Скутари лежитъ высокая гора Булгурлу (пшеничная), извѣстная своимъ здоровымъ воздухомъ и очаровательными видами, на которой имѣютъ кіоски Султанъ и вельможи Оттоманскіе, и вода которой идетъ для Султанскаго стола; кромѣ того здѣсь замѣчательна Соловьиная долина (Бюльбюль-дере).

Изъ волнъ Босфора, прямо противъ Скутари, въ ста шагахъ отъ берега, возникаетъ Кызъ-кулеси (дѣвичья башня). Европейцы называютъ ее Леандровой, хотя прославленный Геро переплывалъ Геллеспонтъ, а не Босфоръ. Такъ новое время старалось увѣковѣчить всѣ воспоминанія древности, перенося иногда ихъ и на другія мѣста! Дѣвичья башня воздвигнута Императоромъ Мануиломъ; встарину она носила титулъ крѣпости и соединялась съ сушью моломъ, остатки котораго примѣтны и донынѣ. Турки, найдя готовую башню и готовое преданіе, оставили за ней прозваніе Кызъ-кулеси, на Востокѣ весьма обыкновенное для всякой невѣдомой башни и даже приложенное у насъ въ Баку къ одному древнему зданію. Покойный Султанъ поправилъ Леандрову башню, которая очень терпитъ отъ лодоса— Южнаго вѣтра, вырывающаго иногда изъ зданія цѣлые камни и ниспровергшаго однажды минаретъ у мечети Селима въ Скутари. Въ настоящее время Дѣвичья башня состоитъ изъ двухъ частей: изъ довольно высокой, массивной квадратной башни съ ровными стѣнами, и примыкающаго къ ней невысокаго зданія съ маленькой башенкой; крыша на главной башнѣ свинцовая.

Въ малой башнѣ зажигается на ночь фонарь: потому что близъ этого берега находятся подводныя скалы и отмели, и Босфоръ нерѣдко покрывается туманами.

Ниже Скутари разстилается обширная долина Хайдеръ-Паши, въ которой, въ мое время, праздновалось бракосочетаніе Мухаммеда-Али, Паши Топхапскаго, съ одной изъ сестеръ Султана. На этой долинѣ происходила битва Лицинія съ Константиномъ Великимъ, въ которой возникающее Христіанство восторжествовало надъ дряхлымъ язычествомъ. Нынѣ здѣсь находится обыкновенный Султанскій кіоскъ, на фонтанѣ котораго изсѣчена Турецкая надпись. Чтобы дать идею о надписяхъ подобнаго рода, я представляю полный переводъ ея.

«Господь даровалъ Султана Абдуль-Меджида, источникъ правосудія, живителя Природы и причину бытія существъ. Благородный Халидъ-Ага, сановникъ Султана Селима II, моря милости, воздвигъ этотъ фонтанъ, но онъ разрушился, и Владѣтель міра, обративъ на него свое вниманіе, удостоилъ воздвигнуть его вновь. Да содѣлаетъ Всевышній рѣку величія и могущества сего Царя Царей, даже до Суднаго дня, предметомъ зависти для Тигра и Эвфрата! Пусть онъ найдетъ достойнымъ Союти анаграмму алмаза Зиверъ! Султанъ Абдуль-Меджидъ воздвигъ прекрасный источникъ жизни! 1255 года (гиджры)».

На мѣстѣ древняго Халкидона, ветхаго предшественника Византіи, основаннаго за 685 лѣтъ до Р. Х., столько разъ разрушеннаго Персами, Готами, Аравитянами, и столько разъ возобновленнаго съ новою роскошью, славнаго въ древности своимъ храмомъ Аполлона, а потомъ церковію Св. Евфиміи и Вселенскимъ Соборомъ, нынѣ стоитъ небольшая, но красивая деревушка Кади-кёй (деревня

судьи, первоначально Гази-кой), населенная Греками, Армянами и Турками. Здѣсь находится новая Греческая церковь во имя Св. Евфиміи, въ которой колонна источаетъ воду и хранится вила, терзавшая Св. Евфимію.

Чтобъ окончить обозрѣніе Босфорскихъ достопримѣчательностей, немногое остается намъ окинуть взоромъ и припомнить. За Кади-кёй лежитъ Каламышъ-дере (долина тростника), покрытая красивыми дубами, лавромъ и плодовитыми кустарниками; здѣсь аясма Св. Іоанна Златоустаго, принадлежавшая храму того же Святаго. Нынѣ къ заливу Каламышъ-дере, неглубокому, пріѣзжаютъ изъ Константинополя на купанье Европейцы, а у Турковъ есть на эту долину особенная пѣсня «Тюльки». Южную оконечность Азіатскаго берега Босфора составляетъ Фенеръ-бурну (мысъ маяка), на которомъ дѣйствительно стоитъ невысокій маякъ. Здѣсь спаслась Іо, обращенная въ корову, здѣсь стоялъ Фаросъ и храмъ Юноны, здѣсь Императоръ Іустиніанъ построилъ церковь Божіей Матери, двѣ часовни, лѣтній дворецъ, портики, базары и бани. Нынѣ въ Фенеръ-багчеси (маячномъ садѣ) видны еще ничтожныя развалины, а подлѣ берега находится мраморный бассейнъ: здѣсь воздухъ чудесный, мѣстоположеніе восхитительное, достойно заканчивающее великолѣпный Босфоръ.

Вотъ полный очеркъ— картиною назвать не смѣю— богатѣйшаго и роскошнѣйшаго въ мірѣ пролива, который Турецкіе Писатели называютъ «лугомъ морскимъ», а Турецкое Правительство признало оффиціально *главною улицею* Константинополя, какъ города, по преимуществу приморскаго. Все здѣсь соединилось для украшенія упоительнаго пролива: Природа принесла сюда лучшіе свои дары и восхитительнѣйшіе пейзажи, смѣшала здѣсь лавръ съ пла-

Государственная библиотека им. В. И. Ленина

таномъ, кипарисъ съ дубомъ, лилію съ анемономъ; Исторія помѣстила на берега Босфора міровыя событія и поэтическіе миѳы; лучшія по красотѣ человѣческія племена, образцы античной Скульптуры, поселились около Босфора. Съ легкой руки Аргонавтовъ, на Босфоръ стекаются одинъ за другими громадныя арміи завоевателей или искатели приключеній; съ появленіемъ Грековъ, возникаетъ здѣсь господство языческой религіи, которую побораетъ потомъ Вѣра Христіанская, а въ позднѣйшее время возносится здѣсь на храмахъ Мусульманская луна. И какъ не дорожить Туркамъ такою обворожительною мѣстностію, какъ не гордиться имъ и не считать себѣ лучшею націею въ мірѣ, глядя на красные флаги съ луною, развѣвающіеся на всѣхъ укрѣпленіяхъ Босфора, прислушиваясь къ грому пушекъ, разставленныхъ въ топкихъ и красивыхъ башняхъ баттарей! Но неужели кровавое знамя навсегда водрузилось на этихъ берегахъ, и неужели здѣсь суждено гремѣть только Мусульманской пушкѣ?.. Никто не хочетъ этому вѣрить, а меньше другихъ вѣруютъ въ это Турки, непрерывно ожидающіе исполненія стариннаго предсказанія о пришествіи русыхъ побѣдителей съ Сѣвера...

11 Іюня я получилъ давно-ожиданное дозволеніе присоединиться къ свитѣ Его Императорскаго Высочества. Великій Князь въ этотъ день изволилъ обозрѣвать самый Константинополь, начавъ съ главнѣйшихъ его зданій. Чтобы лучше ознакомиться съ предмѣстіями Царяграда, Его Высочество совершилъ путь отъ дома Посольства, черезъ Перу и Топхане, пѣшкомъ, до набережной у казармы Топханской, откуда, на посольскомъ каикѣ, переправился черезъ Золотой Рогъ въ Константинополь, къ пристани Багче капуси, гдѣ многочисленное стеченіе

народа ожидало пріѣзда Русскаго Царевича. Путь отъ пристани до ближайшей замѣчательной мечети «Султанъ-Валидэ» (матери Султана), или «Ени-джами» (Новой), Его Высочество изволилъ опять пройти пѣшкомъ. На дворѣ мечети произошла большая тѣснота отъ собравшагося народа, Христіанъ и Турокъ, изъ которыхъ многіе насильно проскользнули въ мечеть въ то время, какъ свита Посольства проходила въ слѣдъ за Великимъ Княземъ.

«Ени-джами» принадлежитъ къ числу не самыхъ большихъ мечетей, хотя также носитъ титулъ «Султанской». Она— средней величины, построена по общимъ правиламъ Константинопольской архитектуры, которыя для мечетей заключаются въ слѣдующемъ: основной корпусъ, имѣющій фигуру не очень длиннаго параллелограма, сводится вверху, въ срединѣ зданія, большимъ куполомъ, который лежитъ на четырехъ толстыхъ столбахъ внутри зданія, и къ которому примыкаютъ съ четырехъ сторонъ или полукуполы, или небольшіе куполы, или наконецъ большія арки. Первообразомъ для Стамбульской мечети служилъ храмъ Св. Софіи, плоскій куполъ котораго повторяется на всѣхъ главныхъ мечетяхъ, а подражаніе Константинопольскимъ мечетямъ встрѣчается даже въ нѣкоторыхъ городахъ Малой Азіи, на-прим. въ Діарбекирѣ. Подъ куполомъ, въ архитравѣ, а также въ четырехъ бокахъ мечети, продѣлывается множество оконъ, преимущественно съ полукруглымъ Византійскимъ сводомъ, а главный куполъ поддерживается съ боковъ откосами; нерѣдко, какъ на-прим. въ мечети Селима, въ Скутари, и Махмуда, въ Топхане, на углахъ зданія стоятъ башенки, такъ живо напоминающія постройку Христіанскихъ храмовъ; въ Сулейманіэ же и въ Ени-джами этихъ башенокъ поставлено нѣсколько въ линію,

одна надъ другой. Османскіе минареты очень красивы: тонкіе, стрѣльчатые, круглые, съ нѣсколькими галереями (шурфе), они смѣлою линіею возносятся вверхъ.

Снаружи Ени-джами отличается большимъ плоскимъ куполомъ, котораго очертаніе, довольно смѣлое, не очень, впрочемъ, красиво; двухъярусная галерея примыкаетъ сбоку къ мечети, надъ нею находится еще ярусъ съ аркадами, надъ нимъ еще и еще, такъ что снаружи вы видите шесть ярусовъ, обозначаемыхъ окнами, которыя, впрочемъ, малы, отъ чего въ мечети довольно темно. Внутренность Ени-джами походитъ на внутренность Софійскаго храма: съ трехъ сторонъ— сторона «михраба» (Меккская) выключается — идутъ во второмъ ярусѣ широкіе хоры, примыкающіе къ четыремъ основнымъ столбамъ или аркамъ главнаго купола и поддерживаемые кромѣ того тонкими каменными колоннами; въ углу лѣваго хора, близъ михраба, находится, за золотой рѣшеткой, Султанская ложа, въ которой онъ присутствуетъ по Пятницамъ. Отдѣлка мечети довольно красива: толстые, квадратные столбы, поддерживающіе главный куполъ, покрыты до втораго яруса Персидскимъ узорнымъ изразцемъ; на входной сторонѣ хоры поддерживаются шестью древними Греческими круглыми колоннами, мраморными и порфировыми, изъ коихъ двѣ среднія довольно толсты, и по сторонамъ ихъ находится по двѣ тонкія. Кромѣ обычнаго Турецкой мечети «мембера» (галереи для возгласителя), стоящаго всегда съ правой стороны «михраба» (углубленія для храненія Алкорана), и платформы для «софтовъ» (духовныхъ студентовъ), въ Ени-джами у правой стѣны находятся еще Султанскія гробницы. Мраморной отдѣлки въ зданіи мало. Ени-джами построена матерью Султана Махмуда, на ея

вдовьи деньги, и какъ мужья оставляютъ женамъ въ Турціи, по своей кончинѣ, деньги на башмаки, то и самая мечеть иногда называется въ народѣ *мечетью башмаковъ*.

Отъ мечети Валидэ-Султанъ Его Императорское Высочество изволилъ отправиться на площадь къ Старому дворцу, гдѣ находится весьма красивый фонтанъ, построенный Ахмедомъ III, сходный по архитектурѣ съ Топханскимъ фонтаномъ, украшенный безчисленными арабесками. Съ этой площади Великій Князь вступилъ, черезъ боковыя двери, въ славный храмъ Св. Софіи, обращенный въ мечеть и составляющій гордость и украшеніе Стамбула (*). Несмѣтная толпа Константинопольскихъ Грековъ ожидала съ нетерпѣніемъ этой минуты, и едва Его Высочество изволилъ спуститься по лѣстницѣ въ храмъ, какъ Греки — раіи, жаждавшіе побывать въ Св. Софіи вмѣстѣ съ Сыномъ Русскаго Царя, стремглавъ кинулись внизъ, и отчаянною толпою ворвались въ мечеть, которой не могли отстоять ни кавасы, ни муллы; наконецъ принуждены были запереть двери.

Съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ храмъ Св. Софіи, въ немъ произошло довольно перемѣнъ: нашъ Архитекторъ Фоссати открылъ замазанные фрески, реставрировалъ многія части и, главное, издалъ великолѣпные планы и рисунки этой базилики, такъ что теперь каждый имѣетъ возможность изучить знаменитый Христіанскій храмъ. Въ 1845 году, чтобъ понять и оцѣнить красу и великолѣпіе Св. Софіи, нужно было побывать въ храмѣ раза четыре: такъ Турки перепутали и обезобразили Византійскую базилику

(*) Всего въ Константинополѣ 44 церкви обращены въ мечети, да и большая часть Мусульманскихъ мечетей построены Греческими Архитекторами.

своими пристройками, которыя снаружи совершенно заслоняютъ главныя части храма и отнимаютъ у него величественный видъ; даже самый куполъ, эта плоская чаша, это чудо Христіанскаго Искусства, не представляется снаружи ничѣмъ необыкновеннымъ. Особенно безобразятъ видъ храма высокіе контрфорсы, далеко выдавшіеся впередъ, неуклюжія башенки и аркады; притомъ же около Ая-Софіи, какъ-называютъ ее Турки, настроено очень много зданій, закрывающихъ видъ храма и вблизи и вдали. У Софіійской мечети по угламъ четыре высокіе минарета, а на дворѣ находятся жилища муллъ, софтовъ и «хадама»— причта, который при этой мечети простирается до 2,000 человѣкъ. Кромѣ того здѣсь находятся мавзолеи Султановъ Селима, Мурада III, Мухаммеда III и Мустафы I съ гробницами этихъ Султановъ и множества Султаншъ и Принцовъ.

Вступивъ во внутренность Ая-Софіи, долго не понимаешь главныхъ частей зданія, долго не знаешь, на что преимущественно обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ мечети довольно темно отъ пристроекъ, заслонившихъ свѣту входъ въ зданіе. Наконецъ, послѣ общаго обзора храма, уразумѣешь, что главный корпусъ его также имѣетъ фигуру параллелограма; что здѣсь средній куполъ также лежитъ на четырехъ двойныхъ четвероугольныхъ аркахъ; что малые куполы покрываютъ придѣлы, примыкающіе къ центральному зданію. Прежде всего взоръ невольно останавливается на громадномъ и смѣломъ куполѣ, который, словно горизонтъ, накрываетъ смущеннаго зрителя; не смотря на то, что этотъ куполъ въ размѣрѣ уступаетъ куполу Іерусалимскаго храма, недостижимо плоское очертаніе его производитъ удивительный эффектъ. Снаружи

обложенный свинцомъ съ посеребренными выкладками, куполъ внутри покрытъ разноцвѣтною Византійскою мозаикой съ позолотой; въ центрѣ помѣщена въ кругу крупная Арабская надпись, низъ же купола обведенъ рядомъ оконъ съ маленькими хорами, а снаружи окна раздѣлены откосами. Подъ куполомъ аркады съ двухъ сторонъ усѣяны окнами въ четыре ряда, а въ углахъ между арками видны четыре большіе Херувима, которыхъ Османское искусство преобразило въ Джебраиля, Микаиля, Асрафиля и Азраиля. Два огромные яруса, изъ широкихъ хоръ, находятся подъ аркадами: эти хоры во всю длину поддерживаются, между главными арками, множествомъ античныхъ колоннъ изъ мрамора, порфира и яшмы. Величественный и навсегда памятный видъ представляется, когда стоишь по срединѣ храма и смотришь на громадный куполъ и изумительные хоры съ безконечнымъ рядомъ колоннъ: это небо, по краямъ котораго рисуются радуги, и подъ ними сбѣгаютъ съ выси, въ лабиринтѣ арокъ и архитравовъ, массивныя колоннады. Въ придѣлѣ, гдѣ находится михрабъ, къ накрывающему его куполу приставлены еще три малые полукупола, подъ которыми съ боковъ опять въ два яруса хоры съ колоннами, а надъ михрабомъ, вмѣсто колоннъ, два ряда оконъ. Мемберъ и михрабъ въ Ая-Софіи сдѣланы изъ мрамора, съ рѣзными, удивительно-мелкой работы арабесками; кромѣ того къ четыремъ аркамъ, на которыхъ висятъ крупныя надписи изъ Алкорана, примкнуты четыре платформы для софта.

Къ главному корпусу, сейчасъ мною описанному, примыкаетъ нѣсколько придѣловъ разной величины и формъ, въ которыхъ не трудно и потеряться: въ одномъ изъ нихъ находится глубокій колодецъ, содержащій воду

для омовеній; о другомъ придѣлѣ разсказывали, что будто бы въ немъ стоитъ въ полномъ облаченіи Греческое Духовенство въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ застали его Турки Мухаммеда-Завоевателя; что теперь этотъ притворъ потому задѣланъ, что всякій, заглядывавшій въ него, сходилъ съ ума, и что только появленіе Христіанскихъ воителей въ Царѣградѣ можетъ разбудить Духовенство для окончанія начатой Литургіи. Во время поправокъ Г. Фоссати, этотъ придѣлъ былъ открытъ на нѣсколько времени, но ничего замѣчательнаго въ немъ не оказалось. Кромѣ многочисленныхъ придѣловъ, находятся еще подъ самымъ зданіемъ пещеры и подземные ходы, и самый «ере-батанъ-сарай» подходитъ отчасти подъ Іустиніанову базилику. По словамъ Эвлія-Челеби, въ описаніи котораго приведено число всѣхъ дверей и окопъ Ая-Софіи, въ подземельяхъ находится вода и хранятся лодки, въ которыхъ плаваютъ, для починки поврежденій въ фундаментѣ или полу мечети. Внутренность Св. Софіи необъятна,— особенно когда смотришь съ хоръ, откуда люди кажутся зернышками; впечатлѣніе на посѣтителя храмъ производитъ глубокое, но я не могу сравнить этого впечатлѣнія съ тѣмъ чувствомъ невольнаго умиленія и сознанія своего ничтожества, которое нисходитъ на васъ при поклоненіи во храмѣ Іерусалимскомъ: даже самые размѣры Іерусалимской главной ротонды поражаютъ болѣе, нежели внутренность Софійской мечети.

Извѣстно, что въ Ая-Софіи стѣны были покрыты, при Византійскихъ Императорахъ, мозаичными изображеніями Святыхъ, которыя, по взятіи Царяграда Мухаммедомъ II, закрыты штукатуркой и забѣлены. Но во многихъ мѣстахъ штукатурка уже обвалилась (что̀ подало поводъ къ замѣчанію: «штука Турка здѣсь не прочна») и обнару-

жила отчасти Византійскую мозаику, которую съ особеннымъ вниманіемъ изволилъ разсматривать Его Императорское Высочество. Въ послѣдствіи времени всѣ фрески были обнаружены на нѣкоторое время нашимъ Архитекторомъ Фоссати.

По обозрѣніи Софійской мечети, Его Высочество изволилъ отправиться въ Старый дворецъ Султана, обнесенный стѣной, состоящій изъ многихъ отдѣльныхъ корпусовъ и зданій и занимающій огромное пространство (около 6 верстъ въ окружности) на мысу «Сарай-бурну» (дворцовомъ), между Пропонтидою и Золотымъ Рогомъ, гдѣ стояла древняя Византія и гдѣ потомъ было помѣщеніе для Духовенства Св. Софіи, и отчасти дворецъ Византійскихъ Императоровъ. Главный входъ находится съ площади подлѣ Ая-Софія, гдѣ стоитъ фонтанъ Ахмеда. Большія ворота, называемыя «Бабъ-и-гумаюнъ» (августѣйшія), продѣланы въ высокой, квадратной, почти безъоконной башнѣ, которая напоминаетъ «Аля-капы» въ одномъ изъ дворцовъ Испаганскихъ. За этими воротами, построенными Мухаммедомъ-Завоевателемъ, представляется въ лѣвой сторонѣ обширный, продолговатый дворъ, одну сторону котораго занимаютъ арсеналъ и монетный дворъ, а другую— разные «диваны»— присутственныя мѣста,— находящіяся въ деревянныхъ длинныхъ и высокихъ зданіяхъ, болѣе похожихъ на сараи; между ними есть проѣздъ на боковую площадь, возвышенную на берегу Пропонтиды и установленную съ лѣвой стороны дворцовыми зданіями. Этотъ первый дворъ Его Высочество и вся свита проѣхали на коняхъ, но у среднихъ воротъ «орта-капы», сообразно Турецкому этикету, Его Высочество изволилъ сойти съ коня, и вся свита вступила за Великимъ Княземъ пѣш-

комъ на второй дворъ: ни «бабъ-и-гумаюнъ», ни «орта-капы» ничѣмъ не привлекаютъ на себя вниманіе: это— простые проходы, въ которыхъ на стѣнахъ намазаны безобразные ландшафты, составляющіе предметъ остротъ стоящаго тутъ караула, но иногда представляются здѣсь иные виды: у Бабъ-и-гумаюнъ и на первомъ дворѣ выставляютъ головы казненныхъ преступниковъ.

Первый дворъ предоставленъ низшимъ государственнымъ учрежденіямъ, второй же—Великому Визирю. Здѣсь, на лѣвой сторонѣ, находятся небольшія зданія для прислуги, а въ переднемъ углу — небольшой, чрезвычайно красивый повильонъ, который состоитъ въ связи съ внутренними зданіями дворца и передъ которымъ приглашаетъ къ отдыху отъ дневнаго жара купа деревьевъ. Павильонъ раздѣленъ на двѣ комнаты, передъ которыми находится широкій навѣсъ, поддерживаемый колоннами, соединенными рѣшеткою; навѣсъ украшенъ разноцвѣтною мелкою рѣзьбою, равно какъ и самыя двери, ведущія въ аудіенцъ-залы Великаго Визиря; полъ же подъ навѣсомъ мраморный. Эти двѣ аудіенцъ-залы отдѣланы роскошно: стѣны до половины выложены большими полированными яшмовыми плитами, выше которыхъ — увы!— намазаны на стѣнахъ чрезвычайно тщательно, но съ вопіющими ошибками противъ живописи, замысловатые ландшафты; потолокъ унизанъ разноцвѣтными съ позолотой арабесками, полъ же каменный. Вокругъ стѣнъ идутъ низкіе диваны, а въ задней стѣнѣ устроена противъ входа небольшая клетка съ густыми рѣшетками. Отсюда Султанъ наблюдалъ и слушалъ переговоры Великаго Визиря съ иностранными Послами, которыхъ одѣвали въ этой аудіенцъ-залѣ въ Турецкія шубы и потомъ уже допускали предъ

лицо Оттоманскаго владыки. Тѣ, которые имѣли случай посѣтить Бахчисарайскій дворецъ, припомнятъ, вѣроятно, подобный же пріемный залъ Ханскаго Визиря и въ этомъ дворцѣ.

Второй дворъ отдѣляется отъ третьяго рядомъ простыхъ комнатъ, назначенныхъ для прислуги, гдѣ, между прочимъ, есть небольшая молельня. Стоитъ еще упомянуть о томъ страшномъ обычаѣ, котораго нынѣ, кажется, уже не существуетъ: на второмъ дворѣ, называемомъ «капы-арасы» (между-дверье), жили прежде исполнители казни для преступниковъ сераля: трупы относились въ кіоскъ на берегу моря и ночью сдавались лодочникамъ, бросавшимъ ихъ въ воду, при уныломъ звукѣ одинокаго выстрѣла, возвѣщавшаго правосудіе Султана. Великолѣпный входъ съ широкимъ навѣсомъ, называемый «дери-саадетъ» (дверь-блаженства), ведетъ со втораго двора на третій; навѣсъ украшенъ разноцвѣтными съ позолотой арабесками, а по сторонамъ входа изображены, въ Восточномъ вкусѣ, нескончаемыя колоннады. Изъ-подъ этого навѣса, гдѣ встрѣтили Августѣйшаго Посѣтителя дворцовые евнухи, очень хорошъ видъ на третій дворъ и внутреннее отдѣленіе дворца.

На третьемъ дворѣ, похожемъ на дворы Персидскихъ дворцовъ тѣмъ, что онъ обведенъ комнатами, прежде всего представляется взорамъ Султанскій аудіенцъ-залъ — небольшой павильйонъ, раздѣленный на двѣ половины: въ лѣвой, большей половинѣ, довольно темной, стѣны которой покрыты красивыми изразцами, стоитъ, въ лѣвомъ углу, возвышеніе съ навѣсомъ, составляющее тронъ Султанскій, котораго тонкія столбики унизаны разноцвѣтными камешками и стекляруcомъ. Подлѣ трона — высокій Восточ-

ный каминъ, весь изъ мѣди, съ тонкой рѣзьбою, представляющей самые затѣйливые арабески: не льзя довольно надивиться красотѣ и изяществу этой рѣзьбы, продолженной и на самой стѣнѣ. Въ этотъ залъ вводили прежде иностранныхъ Пословъ «чухадары» (гардеробщики), для аудіенціи съ Султаномъ, во все время которой они держали Посланника подъ руки въ предупрежденіе того, чтобъ онъ не покусился на жизнь Османскаго Монарха. По правую сторону входа есть двѣ маленькія комнаты для высшей дворцовой прислуги. Отъ аудіенцъ-зала идетъ дорога нѣсколько влѣво къ подобному же зданію, въ которомъ помѣщается Султанская библіотека: это продолговатый павильйонъ, обведенный вокругъ террасой; въ него ведетъ двойная мраморная лѣстница, очень красивая, выгнутой эллиптической формы, какъ вообще всѣ мраморныя лѣстницы этого дворца. Внутренность составляетъ одинъ большой залъ, въ которомъ съ двухъ сторонъ, въ маломъ отдаленіи отъ стѣнъ, стоятъ шкапы съ Мусульманскими рукописями, лежитъ на полу большая родословная карта Османскихъ Султановъ съ изображеніями ихъ, а на столѣ стоятъ незатѣйливые часы и проч. Въ шкапахъ хранится до 1,500 рукописей, между которыми почти нѣтъ ни одной замѣчательной: большею частію это богословскія сочиненія, а между авторами большинство принадлежитъ Союти. Кромѣ Мусульманскихъ сочиненій, другихъ нѣтъ; но идетъ молва, впрочемъ, болѣе чѣмъ достовѣрная, что въ одномъ изъ подземелій дворца находятся Греческія рукописи, только цѣнность ихъ сомнительна.

Отъ библіотеки Августѣйшій Посѣтитель изволилъ спуститься внизъ по двору, а по лѣстницѣ, устроенной въ стѣнѣ, вступилъ на террасу, на коей стоитъ запертый кі-

оскъ, называемый Багдадскимъ: потому что Султанъ Мурадъ IV построилъ его въ память Багдадской экспедиціи. Снаружи этотъ кіоскъ совершенно походитъ на «Куляги-френги» (франкскую шляпу) Персидскихъ дворцовъ, о которой не разъ упоминается въ моемъ «Путешествіи по Сѣверной Персіи». На этой же обширной террасѣ находится литая изъ мѣди небольшая бесѣдка, по срединѣ террасы бассейнъ, а на противоположномъ концѣ, ближе къ библіотекѣ, — Эриванскій кіоскъ. Внутренность кіоска состоитъ изъ галереи съ террасою; сбоку галереи находятся двѣ комнаты съ Персидскими окнами изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ и съ Азіатско-Европейскою мебелью. Здѣсь совершается «суннетъ» (обрѣзаніе) наслѣдника Турецкаго престола. Съ другой стороны галереи находится знаменитая «хирка-одаси» (комната мантіи) лже-пророка Мухаммеда: здѣсь хранится чтимая Мусульманами мантія, которую разъ въ годъ вынимаютъ, моютъ, и воду, служившую для мытья, гофмейстеръ разсылаетъ въ маленькихъ стклянкахъ за печатью ко всѣмъ главнѣйшимъ сановникамъ. Снаружи хирка-одаси висятъ планы и виды Мекки, Медины и Каабы, въ большомъ и маломъ размѣрахъ, Турецкой работы. Насупротивъ хирка-одаси находится залъ, котораго стѣны увѣшены снаружи старинными ружьями, въ красныхъ чехлахъ.

Кіоски Багдадскій и Эриванскій расположены на возвышенной мѣстности, спускающейся скатомъ къ морю, и потому они видны съ Босфора, Золотаго Рога, изъ Перы, Скутари и другихъ мѣстъ.

Съ террасы Его Высочество изволилъ спуститься сначала по небольшому двору, на коемъ стоитъ въ срединѣ красивая Греческая колонна, слывущая подъ именемъ Ѳео-

досіевой, а потомъ, по другому большому двору, къ новому отдѣленію дворца, построенному покойнымъ Султаномъ Махмудомъ на самомъ берегу Босфора, на мѣстѣ, гдѣ стояло, во времена Византійцевъ, укрѣпленіе Св. Димитрія. Здѣсь прежде всего представляется садъ съ цвѣтущими кустарниками, съ оранжереею и бассейномъ, въ которомъ плаваютъ златоперыя рыбки; за тѣмъ слѣдуетъ другой садъ, выложенный камнемъ (какая странная фантазія!), и наконецъ расположено новое отдѣленіе дворца, состоящее изъ множества разнаго рода комнатъ и залъ, расположеніе которыхъ весьма трудно понять съ перваго раза. Почти въ центрѣ отдѣленія находится крестообразный залъ, въ углахъ котораго четыре комнаты, украшенныя Европейскими зеркалами, столомъ и часами. По правую сторону этого зала заслуживаетъ вниманіе круглый голубой залъ, красивой отдѣлки, съ большими зеркалами, отъ котораго идетъ къ верху самое завѣтное отдѣленіе дворца и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ общему удивленію, едва-ли не самое жалкое: это гаремъ. Тѣ, кому Востокъ знакомъ по наслышкѣ, привыкли съ названіемъ гарема соединять что-то обворожительное, усыпляющее и умъ и чувства: въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей истины. Конечно, гдѣ же быть лучшему гарему, какъ не во дворцѣ Оттоманскаго Султана, повелителя двухъ материковъ и двухъ морей; а между тѣмъ это предположеніе нисколько не оправдывается. Гаремъ состоитъ изъ длиннаго корридора, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены комнаты «кадынь» или «хассеки» (Султанскихъ женъ) и «гедикли» или «одалыкъ» (горничныхъ), какъ будто нумера для пріѣзжающихъ въ гостинницахъ. По случаю переѣзда Султана на весеннее пребываніе въ Бейлербейскій дворецъ, всѣ двери были на-глухо заколо-

чены, но дворцовые служители выломали одну двéрь, на которой была надпись: «Ея господства, царственной главной кадыни». Это комната съ выбѣленными стѣнами, въ которыхъ устроены Персидскія «тахчи» (ниши), а на одной висптъ лубочный Турецкій рисунокъ идущаго парохода; посрединѣ комнаты стоитъ огромный диванъ, коекакъ сколоченный изъ грубыхъ, нестроганыхъ досокъ, на которомъ валяются дирявые тюфяки, набитые хлопчатой бумагой. Неопрятность соединяется здѣсь съ дурнымъ воздухомъ, и таковы всѣ остальныя комнаты одалыкъ, за исключеніемъ отдѣленія Султанши, состоящаго изъ комнаты и бани. Комната довольно красива, а въ тахчахъ за стеклами видны богатые приборы для письма, разные кинжалы, кошельки и проч.; баня же Султанши раздѣлена на переднюю комнату и собственно баню,—обѣ маленькія, съ мраморнымъ поломъ и мраморными бассейнами.

Въ лѣвую сторону отъ центральнаго зала, ближе къ Золотому Рогу, заслуживаетъ сначала вниманіе довольно большая комната, съ огромнымъ мраморнымъ каминомъ, изящной Восточной рѣзьбы; далѣе примѣчателенъ огромный параллелограмный въ Европейскомъ вкусѣ залъ, котораго потолокъ покрытъ разноцвѣтными рѣзными арабесками съ позолотою. Отъ него идетъ анфилада богато отдѣланныхъ покоевъ, замыкаемая заломъ-кіоскомъ, выдающимся на Босфоръ; въ кіоскѣ, также роскошно отдѣланномъ, стоятъ большіе часы съ музыкой и большой органъ. Подлѣ этого отдѣленія находится Султанская баня, которая и чище и красивѣе гаремной и раздѣлена на три части: передбанникъ съ широкимъ диваномъ и наконецъ баня съ мраморными бассейнами, фонтанами, изящными рѣзными арабесками, освѣщаемая изъ купола. Далѣе къ Золото-

му Рогу помѣщается, въ широкомъ корридорѣ верхняго этажа, картинная галерея Султана: здѣсь съ одной стороны идутъ окна, а съ другой на стѣнахъ висятъ картины, рядъ которыхъ отъ дверей начинается огромнымъ морскимъ видомъ Французскаго живописца Гюдена, за коимъ слѣдуютъ изображенія охоты, битвъ Наполеона, морскихъ сраженій,—большею частію литографіи, иногда раскрашенныя, и между ими есть очень, очень плохія. Наконецъ крайнюю часть этого отдѣленія, у Золотаго Рога, занимаетъ внизу, на берегу моря, кіоскъ-залъ, съ фонтанами разныхъ видовъ, отъ которыхъ въ жаркую пору очень прохладно. Здѣсь Его Высочество Великій Князь изволилъ отдыхать послѣ утомительнаго обозрѣнія столькихъ залъ и комнатъ, а придворные Турецкіе воспользовались этимъ отдохновеніемъ, чтобъ поднести Его Высочеству цвѣтовъ и фруктовъ изъ дворцовой оранжереи.

Весьма трудно составить себѣ общую идею о главномъ жилищѣ Оттоманскаго Султана. Безспорно, что Стамбульскій дворецъ далеко уступаетъ въ богатствѣ и разнообразіи отдѣлки даже второстепеннымъ Европейскимъ дворцамъ: меблировка комнатъ заключается въ полу-Европейскихъ, полу-Азіатскихъ диванахъ, между которыми иногда мелькаютъ кресла довольно грубой работы и Европейскія зеркала, а отдѣлка и украшенія комнатъ ограничиваются небольшой позолотой и раскрашенной рѣзьбой; часы и органы въ залахъ довольно обыкновенны, а картинная галерея даже поразительно-плоха и безвкусна. Но, оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что дворецъ стоялъ въ это время пустъ и что, слѣдовательно, многаго въ немъ могло не доставать, не льзя не восхищаться нѣкоторыми залами и кіосками, Восточный уборъ и мраморная отдѣлка кото-

рыхъ носятъ на себѣ отпечатокъ оригинальнаго вкуса. Сравнивая дворецъ Османскаго Султана съ Персидскими дворцами, я не могу не отдать первому пальмы первенства: здѣсь и матеріалъ постройки, и чистота работы, и богатство отдѣлки превосходятъ тѣ же свойства въ лучшихъ Испаганскихъ дворцахъ; только Стамбульскому дворцу не достаетъ грандіозности, и ни одинъ залъ, ни одно отдѣленіе не поражаютъ величіемъ размѣровъ. Удивительно еще то, что Османскій геній нигдѣ не проявилъ себя здѣсь: всѣ зданія дворца построены подъ вліяніемъ или Византійскаго, или Мавританско-Персидскаго или наконецъ Европейскаго вкуса. Турки, по справедливому замѣчанію, расположившіеся въ Европѣ только на кочевку, не сдѣлали ничего для Искусства или для комфорта: нынѣшніе Стамбульскіе домы построены большею частію на фундаментахъ Византійскихъ и даже самое направленіе улицъ нерѣдко остается то же, какое было назадъ тому десять вѣковъ. Незначительныя измѣненія въ постройкѣ домовъ и мечетей, принесенныя Мавританскимъ Искусствомъ въ Царьградъ, въ сущности не противорѣчатъ замѣча́тельному факту, что Стамбульскіе домы строятся по тому же плану и изъ того же деревяннаго матеріала, какіе были и во времена Византійскихъ Императоровъ, такъ что «конакъ» Паши есть только воспроизведеніе дома Византійскаго вельможи. Самое сословіе строителей состоитъ лишь изъ Христіанъ-раія, слѣдующихъ во всемъ правиламъ, перешедшимъ къ нимъ по преданію отъ Византійскихъ предковъ...

Внизу дворца находятся огороды, доставляющіе припасы для дворцоваго стола, а на верху огромный «мейданъ» (площадь) для воинскихъ упражненій; съ одной стороны его растутъ огромныя сосны, а далѣе выдается на море тер-

раса, съ которой также когда-то кидали трупы серальскихъ жертвъ, уносимые морскимъ теченіемъ.

Съ площади на первомъ дворѣ находится въ углу Византійская церковь Св. Ирины, обращенная Турками въ арсеналъ. Церковь эта имѣетъ общую форму Византійскихъ храмовъ — продолговатаго параллелограма, раздѣленнаго боковыми колоннами на три отдѣла, которые, равно какъ и самый алтарь, остались здѣсь безъ всякаго измѣненія; надъ колоннами идутъ вверху широкіе хоры. Но, вмѣсто Христіанскаго алтаря, нынѣ въ этомъ зданіи помѣщается Султанскій арсеналъ: при самомъ входѣ стоятъ фигуры въ латахъ, весь низъ увѣшанъ небольшими топорами, могущими служить для защиты при осадѣ дворца, на мѣстѣ же алтаря стоятъ огромные барабаны; тутъ же, близъ цистерны, находится нѣсколько стволовъ, соединенныхъ къ одной затравкѣ. Надъ колоннами расположены латы и кольчуги разной величины, на хорахъ множество ружей, выше которыхъ опять висятъ кольчуги, латы и знамена; во второмъ же ярусѣ алтаря, нѣсколько выше хоръ, находится главное оружейное хранилище, а надъ нимъ еще ярусъ въ алтарѣ, для щитовъ и шишаковъ. Въ главномъ хранилищѣ, кромѣ превосходныхъ кольчугъ, шишаковъ, мечей, шашекъ, хранятся за стекломъ, въ особенныхъ ножнахъ, три меча, всѣ отличной стали, огромные и тонкіе до того, что трепещутъ въ рукѣ какъ пила; одинъ изъ нихъ — Халифа Абубекра, одноострый, широкій, а другой — Халифа Омара, обоюдуострый. Въ другомъ ящикѣ, за стекломъ, хранятся ключи всѣхъ крѣпостей Оттоманской Имперіи: отъ Константинополя лежитъ здѣсь семь огромныхъ ключей. Говорятъ, будто бы большая часть имѣющагося здѣсь оружія взята при завоеваніи Царяграда;

но это повѣрье не совсѣмъ справедливо: ибо всѣ видѣнныя мною здѣсь кольчуги украшены Арабскими надписями. Правда, въ отдаленныхъ углахъ находится даже Римское оружіе, но къ нему пробраться было очень мудрено.

Отсюда Его Высочество изволилъ отправиться въ Ахмедову мечеть, стоящую на возвышенной мѣстности, подлѣ «атмейдана» (ипподрома). Снаружи существенное отличіе этой мечети составляютъ шесть минаретовъ, тогда какъ главныя мечети Стамбула имѣютъ не болѣе четырехъ. Султанъ Ахмедъ, желавшій отличить свое зданіе отъ другихъ мечетей, принужденъ былъ, по настоянію духовенства, прибавить два минарета къ Мекской мечети, такъ какъ этотъ первенствующій храмъ Мусульманскій не долженъ ни въ чемъ уступать другимъ. Мечеть Ахмеда, подобно Софійской, отчасти опутана снаружи придѣлками, преимущественно куполами и полукуполами, которыхъ насчитается до тридцати, но далеко уступаетъ Софійскому храму и въ размѣрахъ зданія и въ смѣлости главнаго купола. Внутри она отличается свѣтлымъ и веселымъ видомъ, отъ множества разной формы и величины оконъ и отъ бѣлыхъ стѣнъ; небольшой, но красивый куполъ покоится на аркахъ съ круглыми толстыми пилястрами (всего четыре). Въ украшеніи мечети очень мало пестроты; нѣтъ колоннъ, какъ въ Софійской и Сулеймановской мечетяхъ; мемберъ и михрабъ мраморные, хоры въ аркадахъ огромные. Съ лѣвой стороны за занавѣсомъ сидятъ студенты богословія, преподаваемаго очень громогласно муллами; Его Высочество изволилъ нѣкоторое время присутствовать на лекціяхъ Османскихъ богословъ. Въ мавзолеѣ Султана Ахмеда, кромѣ его праха, покоятся дѣти его Османъ II и Мурадъ IV, а также нѣсколько Прин-

цевъ и Султаншъ. По словамъ Эвлія-Челеби, подъ мечетью Ахмеда находится огромная пещера, изобилующая сѣрою и селитрою.

Передъ мечетью разстилается обширная площадь атмейдана—древняго ипподрома, гдѣ во времена Византіи происходили игры, и самая площадь была окружена портиками и украшена статуями и замѣчательными произведеніями Искусства; нынѣ здѣсь уцѣлѣли только обелискъ Ѳеодосія, Дельфійскій столбъ и колонна Константина. Первый изъ нихъ, привезенный изъ Ѳивъ въ Римъ, а оттуда, при Императорѣ Ѳеодосіи, въ Византію, составляетъ гранитный монолитъ въ 60 футовъ вышины, покрытый весь іероглифами и утвержденный на четырехъ мѣдныхъ кубахъ, которые лежатъ на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ, покрытомъ грубоватыми Византійскими барельефами, изображающими Императора Ѳеодосія и его семейство, и Греко-Латинскою надписью о времени постройки обелиска. Дельфійскій столбъ состоитъ изъ трехъ перевившихся мѣдныхъ змій, у которыхъ головы отломлены; на этомъ столбѣ, перенесенномъ въ Царьградъ Константиномъ Великимъ, стоялъ когда-то Дельфійскій треножникъ. Колонна, носящая имя Константина Багрянороднаго, составляетъ также обелискъ, въ 94 фута вышины, сложенный изъ гранитныхъ плитъ и когда-то одѣтый позолоченными мѣдными листами, которые были сорваны Турками. Колонна наклонилась и грозитъ паденіемъ: особенно это замѣтно на тѣни, кидаемой ею въ солнечный день. Усердные Европейскіе путешественники стараются отламывать по кусочку отъ одного изъ этихъ памятниковъ древности, чтобъ на родинѣ похвалиться своимъ пребываніемъ въ

Константинополѣ: какъ будто нельзя найти другихъ свидѣтельствъ своего странствованія!

На слѣдующій день, 12 Іюня, Его Высочество изволилъ обозрѣвать Турецкое Адмиралтейство, гдѣ былъ встрѣченъ въ «диванъ-ханэ» (главной палатѣ) Капуданъ-Пашею. Адмиралтейство «терсанэ» (собственно *турсханэ*) расположено нѣсколько въ глубинѣ Золотаго Рога, по близости Галаты, насупротивъ Стамбула. Здѣсь сначала находятся казармы матросовъ и бассейнъ для постройки кораблей, которою завѣдываютъ Сѣверо-Американскіе мастера; далѣе идетъ самое Адмиралтейство съ обширными магазинами, сараями, школой и казармами. Обыкновенно видъ этой мѣстности очень печаленъ: сырость и гнилость выглядываютъ на всѣхъ зданіяхъ, воздухъ тяжелъ, а на водѣ качаются уродливыя громады—жалкіе остатки Наваринскаго пораженія, черные скелеты безъ снастей и мачтъ, между которыми, какими-то судьбами, замѣшался маленькій Султанскій пароходъ, весь бѣлый съ позолотой, подарокъ Египетскаго Паши Мегемета-Али,—слабое вознагражденіе за флотъ, похищенный вассаломъ у Оттоманскаго владыки. Каждую весну отсюда выступаетъ въ недальній походъ въ Архипелагъ Турецкая флотилія, вытягивающаяся въ линію по Босфору и состоящая только изъ нѣсколькихъ полусгнившихъ огромныхъ кораблей, неуклюжая форма которыхъ до того уродлива, что сами Турки называютъ свою флотилію «лимунъ-сакасы» (горшками для лимоновъ), вмѣсто «донанмаи-гумаюнъ» (августѣйшій флотъ). Въ Адмиралтействѣ, кромѣ постройки и починки судовъ, существуетъ еще Османская каторга, называемая «кюрекъ»: это сарай съ ямой и небольшимъ дворомъ, гдѣ преступники содержатся въ оковахъ очень строго.

По обозрѣніи Адмиралтейства, Его Высочество изволилъ посѣтить, вмѣстѣ съ Капуданъ-Пашей, адмиральскій 120-пушечный корабль Махмудіэ, который салютовалъ Августѣйшему Посѣтителю 21 выстрѣломъ, и фрегатъ о 64 пушкахъ «Низамiэ» (сожженный въ 1853 году въ Синопскомъ бою). Громадный корабль очень не красивъ, потому что остовъ его коротокъ; на немъ, какъ и на всѣхъ Турецкихъ корабляхъ, пушки мѣдныя и отдѣлка вообще бронзовая. Возвратясь изъ Адмиралтейства въ Перу, Его Высочество присутствовалъ при духовномъ обрядѣ кружащихся дервишей Мевлеви.

Существованіе дервишей восходитъ къ первымъ временамъ Оттоманской Имперіи и гроссмейстеръ ихъ донынѣ имѣетъ пребываніе въ Коніи; въ Константинополѣ находится одно отдѣленіе Мевлеви, имѣющее свой «текіэ» въ Перѣ, на возвышеніи, съ котораго открывается великолѣпный видъ на Золотой Рогъ, Константинополь, Мраморное море и Азіатскій берегъ. Нечего удивляться, что Мусульманскій текіэ помѣстился между гяурами, какъ будто ему мало было мѣста въ самомъ городѣ или въ Скутари: Мевлеви отличаются вѣротерпимостью, а Константинопольскій Шейхъ ихъ знакомъ со всей Франкской знатью; отъ того Мевлеви равно уважаются и Мусульманами и Европейцами. Равнодушные ко всѣмъ другимъ религіямъ, и поставившіе себѣ правиломъ жить въ мирѣ со всѣми, Мевлеви исполняютъ нѣкоторые собственные обряды и наслаждаются втихомолку жизненными благами, въ которыхъ у нихъ нѣтъ недостатка, потому что они очень богаты. Текіэ Мевлеви открытъ для любопытныхъ во всякое время, но особенное стеченіе бываетъ здѣсь по Вторникамъ и Пят-

ницамъ, когда происходитъ пляска дервишей. 12 Іюня именно былъ Вторникъ.

Текіэ Мевлеви занимаетъ довольно большое пространство на главной и самой оживленной улицѣ Перы, гдѣ протекаетъ непрерывно сильное торговое движеніе; при самомъ входѣ, справа, находится длинный корпусъ, на углу котораго комната съ фонтаномъ и часами для общаго свѣдѣнія, а остальное занято келліями дервишей; съ лѣвой стороны этого проулка находится молельня, съ гробницами Шейховъ. Далѣе представляется дворъ, на которомъ почти прямо противъ воротъ стоитъ отдѣльное, красивое зданіе для пляски Мевлеви, а за нимъ расположено обширное ихъ же кладбище; съ правой стороны двора находится садъ съ фотаномъ, сзади коего и съ другой стороны двора идутъ келліи дервишей, такъ что ими ограниченъ дворъ съ трехъ сторонъ. На кладбищѣ Мевлеви, осѣняемомъ высокими кипарисами, показываютъ, между прочимъ, могилу ренегата, Французскаго Графа Бонневаля.

Зданіе, въ которомъ совершается религіозный обрядъ дервишей, есть павильйонъ, состоящій въ связи съ келліями: въ него ведетъ передняя, по бокамъ коей находятся гробницы Шейховъ, а потомъ слѣдуетъ круглый залъ съ галереею вокругъ, съ хорами надъ входомъ и съ отдѣльной комнатой слѣва для женщинъ, которыя смотрятъ на обрядъ сквозь частую деревянную рѣшетку. Въ половинѣ втораго часа по полудни входятъ въ залъ босые дервиши-Мевлеви, въ бѣлыхъ связанныхъ около подола юпкахъ и въ курткахъ, сверхъ которыхъ накинуты абы (плащи); на головѣ Мевлеви всегда носятъ высокій шерстяной остроконечный колпакъ желтаго цвѣта. Вступивъ въ залъ, каждый дервишъ дѣлаетъ два-три шага впередъ,

кладетъ пальцы правой ноги на лѣвую, дѣлаетъ низкій поклонъ «Незримому», и потомъ становится къ периламъ вокругъ зала. Когда соберется до 15 дервишей, входитъ въ залъ Шейхъ, въ зеленой мантіи и съ зеленой повязкой на колпакѣ, дѣлаетъ также поклонъ «Незримому» и подходитъ къ своему мѣсту, находящемуся въ передней части зала и обозначенному подушкой; дервиши всѣ кланяются Шейху, который садится на подушку: тогда и дервиши садятся на колѣни. Шейхъ читаетъ въ носъ молитву, держа руки передъ глазами; за симъ на хорахъ дервишъ читаетъ молитву по-Персидски, на-распѣвъ, потомъ поетъ, и наконецъ начинается довольно пріятная не громкая музыка. Общая тишина ничѣмъ не нарушается.

Вдругъ всѣ дервиши восклицаютъ: «гу, опъ!» ударяютъ руками по полу, кладутъ земной поклонъ, мгновенно вскакиваютъ, сбрасываютъ мантіи, распустивъ завязки внизу юпокъ, и въ молчаніи ждутъ начала обряда. Шейхъ выступаетъ на три шага отъ подушки, дѣлаетъ поклонъ «Незримому» и идетъ черезъ залъ ко входу; за нимъ старшина дервишей дѣлаетъ также поклонъ «Незримому» прямо передъ собой, положивъ пальцы правой ноги на лѣвую, потомъ поворачивается разомъ къ прежнему своему мѣсту, опять дѣлаетъ поклонъ «Незримому» и идетъ за Шейхомъ. То же самое повторяютъ всѣ дервиши одинъ за другимъ; на другомъ концѣ зала, противъ входа, всѣ творятъ опять по два поклона «Незримому». Обойдя три раза залъ, во главѣ вереницы дервишей, Шейхъ становится на свое мѣсто, а дервиши, отвѣсивъ по поклону, начинаютъ кружиться, каждый на избранномъ имъ мѣстѣ. Круженіе начинаютъ дервиши со сложенными руками, но потомъ поднимаютъ ихъ; глаза или

закрыты, или смотрятъ подъ воздѣтыя руки; старшина дервишей, съ четками въ рукахъ, въ синей абѣ, занимающій обыкновенно мѣсто справа отъ Шейха, во время кружения ходитъ между дервишами, и, когда который-нибудь собьется съ такта, топаетъ ногой, предупреждая виновнаго. Надобно отдать справедливость Мевлеви, что они кружатся очень искусно, рѣдко сбиваются съ такта и никогда не задѣнутъ ни старшины, ни другъ друга; широкія юпки ихъ такъ правильно очерчиваютъ одинъ и тотъ же кругъ, что у зрителя рябитъ въ глазахъ и кажется, что кружатся не одни дервиши, а весь залъ. Музыка играетъ все громче и скорѣе, дервиши вертятся все быстрѣе и быстрѣе; но вдругъ музыка замолкаетъ, дервиши въ одинъ мигъ перестаютъ кружиться, опускаютъ руки и идутъ на свои мѣста вокругъ зала, какъ будто они ровно ничего не дѣлали. Шейхъ опять три раза обходитъ съ ними вокругъ зала, дѣлая поклоны «Незримому», и опять начинается кружение; потомъ снова слѣдуютъ роздыхъ, обходъ вокругъ зала и наконецъ третье и послѣднее кружение, послѣ котораго дервиши, нѣсколько утомленные и въ поту, садятся вокругъ зала гдѣ кому удалось, и старшина накидываетъ имъ на плеча абы. По прочтении старшиною «хутбэ» (поминовения), дервиши подходятъ одинъ за другимъ къ Шейху за благословеніемъ, которое тотъ даетъ разсѣкая воздухъ правою рукою, цѣлуютъ у Шейха руку, становятся по старшинству справа Шейха, цѣлуютъ руки одинъ у другаго и наконецъ, въ слѣдъ за Шейхомъ, уходятъ. Обрядъ конченъ, ощущение новости испытано, остается только анализировать его.

Тому, кто видитъ пляску Мевлеви впервые, покажется это искусное и продолжающееся каждый разъ до 10

минутъ кружéніе, однообразное и быстрое, поразительнымъ; но, наслушавшись дервишей-завывателей въ Египтѣ — они находятся и въ Скутари — насмотрѣвшись на «зикры» въ Египтѣ, видѣвши тамъ же поѣздъ на конѣ дервишскаго старшины по спинамъ распростертыхъ на землѣ дервишей, я не испыталъ большаго потрясенія при пляскѣ Мевлеви. Если первое круженіе и мгновенная остановка поражаютъ зрителя, то повтореніе становится уже почти-что скучнымъ, а въ другой разъ едва-ли придетъ и охота смотрѣть на дервишей. Впрочемъ, привычка ихъ къ круженію довольно замѣчательна: ни волненіе груди, ни ослабленіе рукъ или ногъ не показываютъ ни малѣйшаго утомленія, и только на блѣдныхъ лицахъ и въ сверкающихъ взорахъ видно неестественное усиліе. Не всѣ дервиши одинаковаго возраста и сложенія: большая часть стары и худощавы, но есть молодые, съ полными лицами, которыхъ еще не изсушилъ безплодный трудъ круженія на одномъ мѣстѣ.

Его Высочество возвратился во дворецъ Русскаго Посольства и вечеромъ изволилъ прогуливаться въ каикѣ по Золотому Рогу — Константинопольской гавани.

13 Іюня Его Высочество изволилъ обозрѣвать приморскія части и стѣны Царяграда. Переѣхавъ Золотой Рогъ по мосту, Великій Князь проѣхалъ въ Греческій кварталъ, именуемый «Фаналъ» (фонарь), потому что здѣсь при входѣ висѣлъ фонарь. Со стороны Золотаго Рога городъ обведенъ высокой, но тонкой стѣной, съ четырехугольными башнями, изъ-за которой, а иногда и на самой стѣнѣ, выставляются домы. Между стѣной и Золотымъ Рогомъ тянется улица, на одной сторонѣ которой примыкаютъ къ стѣнѣ домы, заслоняющіе стѣну; только въ

одномъ мѣстѣ, въ кварталѣ Балатскомъ, прибрежье, вообще грязное, расширяется. Кромѣ Фанала, на берегу Золотаго Рога находится еще Еврейскій кварталъ Балата, отличающійся, по обыкновенію, особенною неопрятностію. Здѣсь каждую Субботу можно видѣть у всѣхъ окопъ Евреекъ, одѣтыхъ въ лучшія платья, съ разными драгоцѣнностями и оригинальными повойниками на головахъ. Греческій Фонарь, отъ котораго происходитъ названіе Фанаріотовъ, населенъ лучшими Греческими фамиліями. Его Высочество посѣтилъ первоначально въ этомъ кварталѣ Константинопольскую Греческую Патріархію. Такъ какъ Греческое Духовенство, послѣ казни Патріарха Григорія, очень опасается малѣйшаго раздраженія Порты: то изъ Патріархіи Константинопольской заблаговременно представленъ былъ на разрѣшеніе Порты вопросъ объ этикетѣ, который должно соблюсти при пріемѣ Русскаго Царевича. Порта предписала неопредѣленно самый лучшій пріемъ, какой только можетъ придумать Духовенство, и въ слѣдствіе такого разрѣшенія, палаты Вселенскаго Патріарха и Синода, давно преданныя волѣ судьбы, были исправлены внутри, и единственная мебель—диваны устроены вновь. Его Высочество изволилъ пройти прямо въ церковь, которая довольно бѣдна, хотя и считается лучшимъ Греческимъ храмомъ. Приложившись къ мѣстнымъ иконамъ и Св. мощамъ, Великій Князь принялъ благословеніе отъ Греческихъ Синодальныхъ Архіереевъ, которые не были предувѣдомлены о посѣщеніи Высокаго Гостя, такъ что и Патріархъ Константинопольскій находился въ это время въ Куру-чешмэ, можетъ быть и не безъ намѣренія, потому что благосклонный отвѣтъ Порты не спасалъ его отъ подозрѣній, къ которымъ отыскать поводъ всегда легко такому Правитель-

ству, какова Оттоманская Порта. По приглашенію Духовенства, Его Высочество изволилъ войти въ палаты Вселенскаго Патріарха, гдѣ, по Восточному обычаю, предложено было Августѣйшему Гостю «глико» (варенье); въ убогихъ подносахъ и чашкахъ проглядывало очень ясно то угнетенное состояніе, въ которомъ содержитъ Порта Греческихъ раіи. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, Его Высочество изволилъ отправиться въ Іерусалимскую Патріархію.

Въ Святоградской Патріархіи Духовенство точно такъ же не ожидало прибытія Его Высочества, и потому едва успѣлъ съ большой поспѣшностью прибыть въ церковь Патріархіи — гдѣ въ то время уже молился Великій Князь — Намѣстникъ Іерусалимскаго Патріарха, Ѳаворскій Архіепископъ Іероѳей (*), котораго Порта устранила отъ слѣдовавшаго ему, по праву преемничества, послѣ покойнаго Патріарха Аоанасія, Іерусалимскаго Патріаршаго Престола, только потому, что Іероѳей жилъ нѣкоторое время въ Россіи. Смущенный, со слезами на глазахъ, Архипастырь произнесъ, нѣсколько запинаясь, благодарственное привѣтствіе Его Высочеству, на Русскомъ языкѣ, за посѣщеніе Іерусалимской Патріархіи.

Изъ Греческаго квартала Фонаря, черезъ Балатскій кварталъ, Его Высочество изволилъ выѣхать, воротами «Хайванъ-сараіі» (у Византійцевъ Cynegion) за городъ, и черезъ предмѣстіе «Ортаджиляръ-кёй», подлѣ берега Золотаго Рога, изволилъ прибыть, по широкой мощеной улицѣ, обставленной богоугодными заведеніями и правительственными зданіями, на другой конецъ предмѣстія Эюбъ (у Византійцевъ Космидіонъ), гдѣ находится мечеть, въ ко-

(*) Нынѣшній Патріархъ Антіохійскій.

торой коронуются Османскіе Султаны, т. е. препоясываются саблей предка своего Османа, которую надѣваетъ на Султана Шейхъ дервишей Мевлеви. Эюбъ, по Мусульманскому преданію, былъ Аравійскій «ансари» (сподручникъ лже-пророка), павшій при нападеніи Аравитянъ на Царьградъ; неизвѣстную могилу Эюба открылъ Султанъ Мухаммедъ при взятіи Константинополя, воздвигъ надъ нею молельню (тюрбэ) и красивую мечеть, и съ тѣхъ поръ это лицо поступило въ число уважаемыхъ Турками старцевъ, такъ что сюда ежедневно стекаются богомольцы со всего города, и самое предмѣстіе, окружающее мечеть, населено набожными Мусульманами и всегда полно торжественной тишины, которую усиливаютъ кладбища подъ тѣнію кипарисовъ, прилегающія къ мечети «Ансара». Эта мечеть пользуется такимъ почтеніемъ у Турокъ, что даже по близости ея не должны проходить Христіане, и я помню, что, во время пребыванія моего въ Константинополѣ, Османскій Офицеръ ближняго «куллука» (гауптвахты) едва позволилъ мнѣ пройти на Эюбскую пристань, гдѣ меня ожидалъ каикъ.

Его Высочество, прибывъ къ воротамъ мечети, изволилъ изъявить желаніе войти на дворъ ея; сопровождавшій Великаго Князя Турецкій Генералъ немедленно предложилъ исполнить волю Его Высочества. Сойдя съ лошади, Великій Князь изволилъ осмотрѣть передній дворъ мечети, по срединѣ коего растетъ огромное старое дерево. Съ этого двора, имѣющаго фигуру неправильнаго пятиугольника, Его Высочество, со всею свитою, по предложенію того же Турецкаго Генерала, перешелъ на другой, малый дворъ мечети, четыреугольный, воротами, находящимися насупротивъ главныхъ воротъ. По

срединѣ втораго двора находится принадлежность всѣхъ Мусульманскихъ храмовъ — фонтанъ, сбоку коего растетъ также большое старое дерево: Турки вѣрятъ, что близъ Эюбовой гробницы находится родникъ безсмертія, скрытый отъ всѣхъ, и часть цѣлебныхъ свойствъ его удѣлена этому фонтану, о чемъ говоритъ и Эвлія-Челеби, при исчисленіи тринадцати рудниковъ, доставляющихъ въ Стамбулѣ разныя минеральныя богатства. Ко двору съ правой стороны примыкаетъ самая мечеть, а съ лѣвой — небольшое зданіе, въ родѣ кіоска, все покрытое со двора разноцвѣтными изразцами: окна и вообще все зданіе очень красивы; внутри молельни, обложенной мраморомъ, находится гробница Эюба. По тремъ сторонамъ двора, кромѣ той, къ которой примыкаетъ кіоскъ съ гробницею Эюба, идутъ колонны, поддерживающія навѣсы.

Самая мечеть имѣетъ четыреугольную, почти квадратную форму, одинаковой со вторымъ дворомъ ширины: снаружи это зданіе похоже на другія мечети, а главное довольно не велико, такъ что, безъ особенныхъ причинъ, не совсѣмъ бы заслуживало титулъ «Султанской мечети». За то внутренность мечети поразительна своею изящною простотою: стѣны перваго яруса покрыты всѣ бѣлымъ мраморомъ, михрабъ и подлѣ него мемберъ отличной рѣзьбы также изъ мрамора; кромѣ того, по четыремъ угламъ мечети, стоятъ небольшія мраморныя колонны, а между ими подпираютъ сводъ двѣ толстыя колонны; вся внутренность мечети бѣлаго цвѣта, и только куполъ и окна обведены коричневымъ бордюромъ съ узорами. Оконъ въ мечети довольно; они имѣютъ Персидскую форму: въ срединѣ рамы вставлено большое матовое стекло, сквозь которое льется въ мечеть волнистое освѣщеніе, а по узор-

чатымъ краямъ рамы вставлены разноцвѣтныя стекла, производящія магическую игру свѣта. Посреди мечети виситъ люстра; во второмъ ярусѣ находятся хоры и Султанская ложа, на правой сторонѣ, обведенная позолоченною рѣшеткою; надъ мембероmъ висятъ два зеленыя знамени. Въ числѣ священныхъ для Мусульманина предметовъ здѣсь хранится мраморный обелискъ, на коемъ напечатлѣнъ слѣдъ ноги Мухаммеда, а другой слѣдъ Мусульмане показываютъ въ мечети на Элеонской горѣ. Обиліе мрамора, строго правильная Архитектура и волшебное освѣщеніе даютъ этому зданію преимущество передъ другими чисто-Мусульманскими мечетями Стамбула.

Мечеть Эюба окружена отдѣльными гробницами лицъ высокаго происхожденія, которыя разсѣяны отсюда до самаго берега Золотаго Рога, а между ими проведены улицы и проулки. Такъ въ проулкѣ, идущемъ позади мечети, параллельно морскому берегу, находится на углу небольшое «тюрбэ» съ двумя сыновьями Султанскаго зятя Халиль-Паши, задушенными, сообразно старинному Османскому обычаю, при самомъ рожденіи, во избѣжаніе лишнихъ претендентовъ на престолъ. Улица, проходящая позади мечети, къ самому Золотому Рогу, довольно широка, вся вымощена и обставлена съ обѣихъ сторонъ надгробными тюрбэ съ красными рѣшетками; между ими первое мѣсто принадлежитъ находящейся противъ самой Эюбской мечети красивой молельнѣ, отдѣланной очень богато мраморомъ и окруженной садомъ; здѣсь покоится прахъ матери Султана Селима III. Въ передней комнатѣ этой тюрбэ показываютъ модели Каабы, Мединской мечети и др., сдѣланныя довольно грубо изъ картона. Далѣе, по улицѣ къ морю, съ лѣвой же руки, находится имаретъ

(богоугодное заведеніе) Эюбской мечети, небольшое зданіе, а на концѣ улицы, на берегу Золотаго Рога, устроена пристань (искеле), называемая по-Турецки «сарай-искелеси» (дворцовая): потому что на мѣстѣ Эюбскаго предмѣстія находился встарь Влахернскій дворецъ, да и нынѣ здѣсь стоитъ дворецъ одной изъ Султаншъ.

Его Высочество былъ первый изъ Христіанъ, который посѣтилъ мечеть Эюба даже до внутренности ея, и надобно полагать, что подобный примѣръ вѣротерпимости въ Стамбулѣ не скоро повторится. Такъ какъ никто не предполагалъ такой снисходительности со стороны Эюбскаго духовенства, то и не были даже взяты съ собою чистые башмаки, и Его Высочество, равно какъ и вся свита, вошли во внутренность Мусульманскаго храма въ той же обуви, въ которой ходили по двору.

Изъ Эюбскаго предмѣстія Его Высочество изволилъ проѣхать вокругъ городской стѣны до воротъ «Эйри-капу» (у Византійцевъ Charsias или Caligaria): здѣсь стѣна похожа на ту, которая идетъ со стороны Золотаго Рога, а за стѣной находится обширное Мусульманское кладбище. «Эйри-капу» (косыя ворота), такъ-названныя отъ того, что городская стѣна въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ излучину, не велики и очень обыкновенны. Вступивъ этими воротами въ городъ, Его Высочество, узкими и неправильными улицами, изволилъ проѣхать къ остаткамъ дворца Константина Великаго, находящимся между Адріанопольскими и Косыми воротами. Дворецъ примыкаетъ къ городской стѣнѣ, такъ что она составляетъ и одну изъ стѣнъ его; впрочемъ, и самые остатки дворца состоятъ только изъ стѣнъ, коихъ верхъ обвалился; сохранилась еще одна большая комната въ три этажа, отъ которой постепенно

понижающееся продолженіе стѣны наконецъ совсѣмъ исчезаетъ въ мусорѣ. Стѣны сложены изъ камня, мѣстами перемѣшаннаго кирпичемъ, положеннымъ разнообразно; Архитектура зданія, сколько оно уцѣлѣло, напоминаетъ дворецъ Сассанидовъ въ Ктезифонѣ,—«Такъ-кесра», близъ Багдада, и своды оконъ выведены кругло. Въ городской стѣнѣ находится подлѣ дворца засыпанная землею дверь; потомъ, почти по срединѣ дворца, дверь закладенная, а далѣе вверху шесть небольшихъ оконъ, также закладенныхъ; въ сохранившейся комнатѣ, въ третьемъ этажѣ, видно съ одной стороны 2 окна, съ другой— 6, съ третьей —3, а съ четвертой—7. Нынѣ этотъ памятникъ Византіи преданъ поруганію: въ немъ подѣланы дрянныя лачужки, населенныя Евреями. Турки называютъ его «Текюръ-сараи» (дворецъ Византійскаго Императора).

Чтя память Великаго Соименника, Его Высочество изволилъ снять видъ дворца, послѣ чего продолжалъ обзоръ городской стѣны снаружи. Отъ дворца Константинова стѣна поворачиваетъ, и здѣсь начинается городской ровъ (шир. 25 шаговъ, глуб. 12—15 шаг.), а вскорѣ и тройная стѣна: двѣ первыя пропорціонально ниже третьей, главной, имѣющей круглыя или четырехугольныя башни (всего съ сухопутья, по исчисленію Эвлія-Челеби, 1225 башенъ). Въ углубленіи, подлѣ Константинова дворца, находится внѣ города Армянское кладбище, а далѣе — Мусульманское, едва не доходящее до Адріанопольскихъ воротъ «Эдирнэ-капуси» (у Византійцевъ Myriandri или Polyandri). Эти ворота болѣе Косыхъ, но также ничѣмъ не замѣчательны, развѣ только тѣмъ, что около моста черезъ ровъ здѣсь приготовляютъ камни для фонтановъ, гробницъ и проч. Отъ этихъ воротъ идетъ дорога на Адріанополь,

подходящая невдалекѣ къ «Маль-тепэ» — возвышенному кургану, на коемъ построенъ госпиталь, а въ самомъ курганѣ покоится прахъ воиновъ. Между Адріанопольскими воротами и слѣдующими «топъ-капуси» находится опять Мусульманское кладбище и оврагъ, въ коемъ проходитъ сухой лѣтомъ ручей подъ городскую стѣну,—на широкую поляну, внутри города, — называемую «Ени-багчэ» (новая бакча); около стѣны снаружи и внутри пріютились Цыгане, проникнувшіе и въ Царьградъ.

Ворота «Топъ-капуси» (пушки, у Византійцовъ Св. Романа), такъ названы потому, что противъ нихъ, при послѣдней осадѣ Константинополя, была поставлена Мухаммедомъ-Завоевателемъ чудовищная пушка, въ память чего и надъ самыми воротами положены большія гранитныя ядра, которыми громили стѣну Царяграда: болѣе ворота ничѣмъ не замѣчательны. Широкая дорога ведетъ отъ нихъ къ текіэ дервишей Мевлеви, за которымъ раскинулась долина Даудъ-Паши: на этой долинѣ стояла армія Мухаммеда II; здѣсь же собираются войска, выступающія въ походъ. Слѣдующія за тѣмъ въ Константинопольской стѣнѣ ворота называются «Мевляна-капуси» (ворота Господина—отъ сосѣдняго текіэ дервишей), а иногда «ени-капу» (новыя ворота); между ими и воротами пушечными находятся сады съ домиками и четыре мечети. Сбоку новыхъ воротъ средней стѣны стоятъ древнія небольшія колонны и такія же лежатъ на порогѣ, всего числомъ четыре; но Турки утверждаютъ, что еще три колонны скрываются въ землѣ. Надъ воротами видны символъ Христіанскій —крестъ и надпись, смыслъ которой таковъ: «по повелѣнію Ѳеодосія, Константинъ возобновилъ эти стѣны менѣе чѣмъ въ два мѣсяца. Едва ли сама Минерва, въ такое ко-

роткое время, могла воздвигнуть столь твердую опору». Съ лѣвой стороны воротъ, на камнѣ въ стѣнѣ, другая надпись, съ именемъ Ѳеодосія. Снаружи воротъ Мевлеви находится, на лѣвой сторонѣ, въ обгороженной стѣнкѣ, простой гробъ, предъ коимъ растетъ высокій кипарисъ, а на кипарисѣ повѣшенъ фонарикъ (кандиль); надпись весьма дурнаго почерка гласитъ, что это гробъ Мухаммеда-Аги († 1134 гиджры), Кіая-бея Султана Ахмеда III. Послѣ воротъ Мевляна слѣдуютъ ворота Силиврійскія (у Византійцовъ Selymbria); вправо отъ нихъ есть башня съ Греческою надписью, а прямо отъ воротъ ведетъ дорога къ Греческому монастырю «Балыкли», гдѣ заранѣе собралось множество Грековъ обоего пола и всякаго званія, жаждавшихъ лицезрѣть сына Русскаго Императора. Его Высочество, отслушавъ здѣсь молебствіе въ храмѣ Богоматери, изволилъ посѣтить покои Греческаго Духовенства, гдѣ, въ особенномъ залѣ, украшенномъ портретомъ Императора Льва Философа во весь ростъ, приготовленъ былъ для Высокаго Путешественника завтракъ. Церковь Богоматери Живоноснаго Источника, называемаго по-Турецки «балыкли» (рыбьимъ), прославлена своей иконой Божіей Матери и источникомъ, въ коемъ плаваютъ золотыя рыбки. Источникъ находится въ подземной часовнѣ, прямо подъ алтаремъ церкви, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ саженъ отъ поверхности земли и ознаменованъ слѣдующею легендою: одинъ Греческій Священникъ, жившій по близости нынѣшней церкви Балыкли, на берегу протока жарилъ, во время взятія Царяграда Турками, рыбу, и когда ему сказали, что Мусульмане ворвались въ городъ, онъ не повѣрилъ и отвѣчалъ: «скорѣе эти рыбы оживутъ, нежели Турки возьмутъ Константинополь». Рыбы чудесно ожили и спрыгнули въ

источникъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и плаваютъ. Греческая церковь ежегодно отправляетъ здѣсь особенное торжество 29 Апрѣля. Во времена Византіи на этомъ мѣстѣ стоялъ богатый храмъ, въ коемъ совершались бракосочетанія членовъ Императорской фамиліи, а по близости находился лѣтній дворецъ Императоровъ. При взятіи Турками Константинополя, храмъ былъ разрушенъ, и, возобновленный, опять опустошенъ во время Греческаго возстанія въ 1821 году. Въ настоящемъ видѣ, внутри довольно красивомъ, онъ отстроенъ уже по окончаніи Греческихъ дѣлъ, приношеніями благочестивыхъ Христіанъ, преимущественно изъ Россіи.

Между Силиврійскими воротами и послѣдними съ сухопутной стороны находятся еще одни ворота «Капаликапы» (запертыя): потому-что они закладены; близъ нихъ расположено Мусульманское кладбище, а насупротивъ ихъ построенъ Греческій госпиталь,—большое, довольно красивое зданіе. Ближе къ Мраморному морю идутъ сады, а на одной изъ башенъ городской стѣны можно усмотрѣть Греческую надпись, которую я приведу здѣсь для образца:

ΤΩΕΝΧΣΩ
....ΥΫΚ. Α ΣΕ
...ΠΑΛΕΙΟ
ΠΟΛΟΥΤΫ
....Α ΠΕΕ
ΤΟ ΤΣ

Послѣднія сухопутныя ворота носятъ названіе «едикуллэ-капуси» (ворота семи башенъ): потому что они ведутъ въ замокъ. Эти ворота, красивѣе и больше другихъ, обязаны своимъ устройствомъ Султану Ахмеду III, котораго имя поминается въ надписи надъ воротами. Подлѣ

нихъ, на берегу Мраморнаго моря, построенъ Семибашенный замокъ, въ которомъ прежде содержали государственныхъ преступниковъ и Европейскихъ Посланниковъ, въ томъ числѣ и Русскаго Булгакова, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ исполнившаго свой долгъ.

Семибашенный замокъ, существовавшій еще во времена Византіи подъ именемъ Cylobion и Pentapyrgion (пятибашеннаго) и возобновленный Мухаммедомъ-Завоевателемъ въ 1458 году, имѣетъ около 240 сажен. въ окружности и пятиугольную фигуру; съ двухъ сторонъ его находится городская стѣна, а съ трехъ выведена стѣна такой же вышины. Въ замокъ ведутъ два входа: одинъ снаружи города, а другой извнутри. Первый идетъ отъ воротъ еди-куллэ-капуси по насыпи, обведенной низкою стѣною, къ небольшимъ воротамъ, возобновленнымъ Махмудомъ въ 1254 г. гиджры, какъ видно изъ надписи надъ воротами: здѣсь красуются двѣ Греческія колонны. Эти ворота ведутъ на небольшой дворъ: почти прямо противъ нихъ вторыя ворота, по бокамъ коихъ возвышаются двѣ четырехугольныя башни, соединенныя между собою зданіемъ. Въ правой башнѣ небольшая желѣзная дверь, но въ лѣвой двери заложены. Посреди внутренняго двора, совершенно пустаго, стоитъ мечеть; третья башня находится у воротъ еди-куллэ-капуси, четвертая и пятая — параллельно мечети, въ шестой ворота въ городъ, а седьмая и главная — подлѣ этихъ воротъ. Она построена въ 4 яруса, имѣетъ круглую фигуру и заканчивается наверху деревяннымъ шпилемъ. Чудесный видъ на море и городъ открывается съ вершины этой башни, куда ходъ идетъ по стѣнѣ и надъ городскими воротами; лѣстница въ верхнихъ ярусахъ едва держится. Въ нижнемъ ярусѣ, высокомъ и тем-

номъ, безъ полу и оконъ, содержались иностранные Посланники: подлѣ маленькихъ дверей, единственныхъ въ этомъ ярусѣ, сохранились вырѣзанныя Латинскими буквами имена Европейскихъ узниковъ, когда-то страдавшихъ въ этой башнѣ, преимущественно Венеціянскихъ Пословъ, но попадаются также имена Греческія и даже Англійскія. Тщетно Его Высочество изволилъ искать здѣсь имени Русскаго Посланника Булгакова: исполнивъ долгъ, сей вѣрный сынъ Отечества даже не считалъ свой выше обыкновеннаго и не хотѣлъ оставить по себѣ никакого слѣда. Кромѣ Булгакова, въ Семибашенномъ замкѣ были заключены еще, при Петрѣ Великомъ, Русскій Посланникъ Графъ Толстой и при Екатеринѣ II—Обрѣзковъ; послѣдній же Европейскій представитель, содержавшійся въ этомъ замкѣ три года, былъ Французскій Посланникъ Руффенъ (Ruffin). Во времена Византіи, у Семибашеннаго замка находились знаменитыя «Златыя ворота» (Хрисопулъ), превосходный памятникъ Греческаго Искусства, воздвигнутый Ѳеодосіемъ въ память его побѣды надъ Максимомъ. Нынѣ не осталось слѣдовъ изящнаго и великолѣпнаго монумента, черезъ который входили тріумфаторы, равно какъ не видно ни страшныхъ темницъ, между коими одна носила названіе «кровянаго колодца», ни орудій пытки. Златыя ворота были закладены еще при Византійскихъ Императорахъ, послѣ побѣды Василія надъ Булгарами: такъ какъ явилось предсказаніе, что этими воротами войдутъ въ Царьградъ Латины; это предсказаніе сохранилось и у Турокъ, которые вѣрятъ, что Христіане возьмутъ Константинополь черезъ эти ворота и возстановятъ алтари истиннаго Бога....

Сухопутная стѣна Константинополя, сложенная изъ каменныхъ плитъ, часто весьма большихъ, а мѣстами изъ

кирпичей, и снабженная бойницами, скорѣе можетъ считаться только оградой, нежели защитой отъ непріятеля; оставленная на произволъ судьбы, она во многихъ мѣстахъ находится въ томъ же видѣ, въ какомъ застали ее Турки при взятіи города; даже въ одномъ мѣстѣ она упала, и изъ рва прямо на стѣну ведетъ тропинка. Верхушки башенъ, также какъ и стѣны, вездѣ разрушены, и на нихъ растутъ деревья, вмѣсто пушекъ, которыхъ нигдѣ нѣтъ, а въ воротахъ лишь висятъ на цѣпяхъ каменныя ядра.

По обозрѣніи Семибашеннаго замка, Его Высочество изволилъ проѣхать къ ближайшимъ городскимъ воротамъ, выходящимъ на море и называемымъ «Нарли-капу» (гранатовыми), гдѣ ожидали каики для продолженія прогулки; близъ этихъ воротъ находится Армянскій госпиталь и домъ умалишенныхъ. Проплывъ моремъ мимо воротъ Псаметіа, Даудъ-Паши и Ени-капу, Великій Князь изволилъ остановиться у «Кумъ-капу» (песочныхъ воротъ): городская стѣна съ моря не высока и также предана заботѣ случая; на берегу прилѣпились къ ней домы Армянъ и Грековъ, омываемые морскими волнами.

Воротами Кумъ-капу Его Высочество вступилъ въ Армянскій кварталъ, прилегающій къ Мраморному морю. Здѣсь Высокій Путешественникъ посѣтилъ Армянскую Патріаршую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ Армяно-Григоріанскимъ Патріархомъ Матѳеемъ. Эта церковь—Греческой Архитектуры, велика и красива: она состоитъ изъ трехъ большихъ придѣловъ съ колоннами и хорами, раздѣленныхъ часовнями; хоры, назначенные только для женщинъ, не закрыты, какъ у Грековъ, рѣшетками : потому что Армянки носятъ «яшмаки» (покрывала). Во время посѣщенія Великимъ Княземъ Армянскаго храма, здѣсь происхо-

дила служба: на клиросѣ пѣли Армянскіе мальчики очень пріятно. Патріархъ Матѳей просилъ Его Высочество удостоить своимъ посѣщеніемъ и Патріархію, гдѣ поданы были варенья и шербетъ.

Отсюда Великій Князь изволилъ возвратиться въ Перу на каикахъ.

14 Іюня Русскій Посланникъ, по случаю прибытія Высокаго Путешественника, давалъ большой обѣдъ и вечеръ въ Буюкдере. Его Высочество изволилъ отправиться изъ Перы на пароходѣ «Бессарабія», для присутствованія на обѣдѣ, на который были приглашены Европейскіе Посланники и высшіе Турецкіе сановники. По окончаніи обѣда, данъ былъ, въ саду посольскаго дома, въ красивой палаткѣ, вечеръ съ танцами, въ которыхъ изволилъ принимать участіе и Великій Князь, удостоившій приглашенія супругу Французскаго Посланника Г-жу Буркене и другихъ дамъ. Музыка во время бала играла военная съ парохода—Бессарабія; общество было чрезвычайно разнообразно, изъ всѣхъ націй; но между дамами, въ стилѣ классической красоты, затмѣвала всѣхъ супруга одного Русскаго негоціанта; убранство и освѣщеніе палатки были составлены съ большимъ вкусомъ, а любезная хозяйка, супруга нашего Посланника, очаровывала всѣхъ своею внимательностью и предупредительностью, такъ что балъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ блистательный.

15 Іюня, въ Пятницу, Его Высочество изволилъ смотрѣть, изъ кіоска Хюсейнъ-Паши, подлѣ Календера, на Европейскомъ берегу Босфора, поѣздъ Султана моремъ, въ парадныхъ каикахъ, для совершенія праздничнаго моленія въ мечети селенія Эмирганъ. Выѣздъ Султана называется «бипишъ» (сидѣнье); онъ возвѣщается пальбою съ

баттареи Босфора, салютующихъ своему Повелителю, по мѣрѣ проѣзда его мимо баттареи, и громъ пушечныхъ выстрѣловъ потрясаетъ столицу каждую Пятницу, исключая зимы, когда Султанъ живетъ въ старомъ дворцѣ и ѣздитъ въ мечеть на лошади. Во время такихъ выѣздовъ подаются Султану просьбы. Султанъ одѣвается очень просто: синяго цвѣта суконный плащъ безъ воротника, довольно длинный, а подъ нимъ такого же цвѣта суконный казакинъ, подлиннѣе колѣнъ, узкіе суконные панталоны и красный фесъ — вотъ весь костюмъ Оттоманскаго Повелителя, иногда дополняемый брилліантовою звѣздою. Физіономія Султана Абдулъ-Меджида, не смотря на его тогда еще юныя лѣта, довольно старообразна и не совсѣмъ привлекательна: голова небольшая, глаза лишены огня, а лицо испещрено веснушками; роста молодой Султанъ средняго, и уже, въ слѣдствіе Турецкой привычки сидѣть поджавъ ноги и наклонясь, началъ горбиться. Тогда Султанъ Абдулъ-Меджидъ еще не выступалъ на политическое поприще: всѣ государственныя дѣла находились въ рукахъ «Султанъ-валидэ», матери его, и ея любимца, перваго Камергера или, лучше сказать, Министра Двора, Риза-Паши; самъ же Султанъ проводитъ все время въ гаремѣ.

Изъ селенія Эмирганъ Его Высочество изволилъ отправиться, на пароходѣ Бессарабія, въ Константинополь, гдѣ обозрѣлъ мечети Сулеймаиэ и завоевателя Царяграда Мухаммеда II. Первая изъ нихъ, одна изъ лучшихъ мечетей Константинополя, видимая издали, построена Султаномъ Сулейманомъ-Законодателемъ: матеріалы для ея постройки взяты были отъ разрушенной церкви Св. Евфиміи, въ Халкидонѣ, и послѣ шести лѣтъ (по Эвлія-Челеби — девяти) работы, мечеть окончена въ 1556 году; на постройку

издержано болѣе 700,000 червонцевъ. Зданіе величественно и изящно: оно составляетъ продолговатый четырехугольникъ, обведенный съ трехъ сторонъ широкими галереями въ два яруса, съ множествомъ колоннъ. Широкая мраморная лѣстница идетъ къ входу, гдѣ вверху изсѣчено имя строителя и годъ постройки; три огромные зала составляютъ корпусъ мечети; изъ нихъ въ переднемъ (харемъ) находится фонтанъ для омовеній, а въ другомъ, крайнемъ, называемомъ «рауза» (садъ), помѣщены гробницы; средній же залъ—«месджидъ» есть главный. Онъ накрытъ большимъ куполомъ, 68 футовъ въ діаметрѣ, опирающимся на два боковые полукупола, которые въ свою очередь подперты двумя толстыми колоннами краснаго гранита. Много мелкихъ куполовъ находится по краямъ; минаретовъ же здѣсь четыре: два съ шестью галереями, и два съ четырьмя,—чѣмъ строитель мечети хотѣлъ обозначить, что былъ девятый въ ряду Султановъ Османскихъ. Изъ украшеній мечети особенно замѣчательна дверь харема противъ главнаго входа: она убрана самыми затѣйливыми арабесками, изсѣченными на камнѣ; въ месджидѣ же «михрабъ»—палатка, гдѣ хранится экземпляръ Алкорана, «курси»—каѳедра для проповѣдника (ваизъ), «мемберъ»—галерея для возгласителя Султанскаго имени (хатибъ), «мастабэ»—платформа для повторителей приглашенія на молитву (махфиль) и «максурэ»—Султанская ложа — всѣ отдѣланы бѣлымъ мраморомъ. Въ отдѣльной тюрбэ похороненъ самъ строитель, Султанъ Сулейманъ II, и братъ его Ахмедъ II; кромѣ того здѣсь покоится прахъ знаменитой «Хассеки-Хурремъ» (Роксоланы), а также при Сулеймаиэ находятся гробницы многихъ Султанши и Принцевъ крови. Къ мечети принадлежитъ еще нѣсколько заведеній разнаго рода, а именно:

«мектебъ» первоначальная школа, четыре «медресе»—высшія духовныя училища, «даръ-уль-хадисъ»—школа для изученія преданій, «даръ-уль-кыраетъ»—школа для чтенія Алкорана, «медресэ-и-тиббъ»—медицинское училище, «даръ-уль-шефа»—госпиталь, «имаретъ»—домъ для бѣдныхъ, «караванъ-сарай»—странноприимный дворъ, «китабъ-ханэ»—библіотека, «себиль-ханэ»—резервуаръ для воды въ сосѣдніе фонтаны, «тавъ-ханэ»—госпиталь для пріѣзжихъ, и «хамамъ,—бани, а также кладовыя для сбереженія имущества странствующихъ знатныхъ Стамбульцевъ. Такова въ своей сложности Мусульманская мечеть, для которой Сулеймаиэ можетъ служить образцемъ. Законодатель хотѣлъ въ ней соперничать съ Ая-Софіей и употребилъ всѣ бывшія въ его волѣ средства на сооруженіе великолѣпнаго храма. Мечети, при такомъ обширномъ расходѣ, имѣя еще много духовенства, содержатся «вакфами» (вкладами строителей), состоящими въ караванъ-сараяхъ, баняхъ, домахъ и проч.

На обширномъ дворѣ (сахнъ) Сулеймаиэ постоянно роится толпа народа и производится купля и продажа; среди мечети расположены кофейни, въ которыхъ преимущественно собираются «терьяки» (курильщики опіума), число которыхъ въ Стамбулѣ нынѣ незначительно. Сбоку къ Сулеймаиэ примыкаетъ огромное зданіе, прежде бывшее дворцомъ Янычарскаго Аги, а потомъ сдѣлавшееся «Шейхъ-уль-Ислямъ-капуси» — мѣстопребываніемъ (воротами) Шейха правовѣрія, высшаго духовнаго лица Имперіи.

Мечеть Султана Мухаммеда II возвышается на четвертомъ холмѣ Царяграда, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла нѣкогда церковь Двунадесяти Апостоловъ. Строеніе ея продолжалось восемь (по Эвлія-Челеби—20) лѣтъ. Она отли-

чается особенно высотою и красивою формою своихъ куполовъ. Передній залъ обведенъ съ трехъ сторонъ колоннадою и первою главою Алкорана, изсѣченною на разноцвѣтныхъ мраморныхъ доскахъ; надъ главнымъ входомъ читаютъ Мусульманское преданіе ляже-пророка о Царѣградѣ: «они возьмутъ Константинополь, и блаженъ Государь, блаженна и рать, которые завоюютъ его»; въ роуза же мечети покоится прахъ самого Завоевателя (Эль-фатихъ), который павѣщаютъ Султаны послѣ препоясанія мечемъ въ Эюбѣ, а противъ гробницы Мухаммеда, на которой лежитъ чалма законовѣдца, находится гробница его супруги Гюльбехаръ; по лѣвую сторону михраба виситъ «санджакъ» (знамя). При этой мечети находятся восемь «медресе» съ пристройками (тетиммэ) для помѣщенія студентовъ, нѣсколько богоугодныхъ заведеній, въ числѣ которыхъ состоитъ и «тимаръ-ханэ» (домъ умалишенныхъ), и первая, по времени основанія, Мусульманская библіотека въ Константинополѣ, между которыми болѣе богаты библіотеки Рагибъ-Паши, Кюприли, Баязида, Нури-Османіэ, Ашеръ-Эфенди, Ая-Софіи, Ени-Джами, Абдулъ-Хамида, Лялели и проч.

Недалеко отъ мечети стоитъ колонна Марціана, называемая «кызъ-таши» (дѣвичій камень); она Коринѳскаго ордена и состоитъ изъ цѣльнаго куска бѣлаго мрамора, въ 75 футовъ вышины. Кромѣ ея уцѣлѣли отъ Византіи: колонна Аполлонова, изъ Египетскаго порфира, называемаго нынѣ «погорѣлою», отъ частыхъ пожаровъ; на рынкѣ «таукъ-базари» (птичьемъ, въ древности Forum tauri), пьедесталъ Аркадіевой колонны и каменная колода, принимаемая за гробницу Императора Константина. Турки во всѣхъ древностяхъ видятъ лишь талисманы гяуровъ, и даже Историкъ Эвлія-Челеби очень наивно утверждаетъ,

что въ 27 возвышенностяхъ Стамбула, разными строителями его, скрыто 20 талисмановъ.

Водопроводъ Валенція, называемый Турками «бозды-ганъ-кемери» (поясъ булавы), между третьимъ и четвертымъ холмами, построенъ первоначально Императоромъ Константиномъ, а возобновленъ Валенціемъ, за которымъ и оставило его народное преданіе; Сулейманъ-Законодатель также занимался устройствомъ его. Вода проведена сюда изъ резервуаровъ въ Хавасъ-кёй и Хальхали; длина водопровода болѣе 300 саженъ, а вышина 10. Онъ идетъ въ два яруса, съ красивыми сквозными арками; но верхній уже разрушился во многихъ мѣстахъ, покрылся плющемъ и поросъ деревьями. Съ Золотаго Рога водопроводъ Валенція представляетъ массивное и пзящное зданіе, съ воздушною аркадою.

По обозрѣніи водопровода, Его Высочество изволилъ посѣтить древнюю цистерну, называемую «бинъ-биръ-дерекъ» (тысача одна колонна), что употреблено только для круглаго счета, потому что всѣхъ колоннъ собственно 224; у Грековъ она именовалась «Филоксенъ» (гостелюбивая), потому что была назначена для иностранцевъ; устройство ея относится ко временамъ Императора Константина. Въ подземелье ведетъ неудобная лѣстница: сырость и темнота царствуютъ здѣсь. Составныя колонны изъ прекраспаго мрамора идутъ въ нѣсколько рядовъ, подпирая арки свода; впрочемъ, колонны тонки и некрасивы. Въ этомъ пространствѣ можетъ помѣститься воды на двухнедѣльное продовольствіе всѣхъ жителей Константинополя; но это еще только одинъ ярусъ, а древняя цистерна была въ три яруса, изъ коихъ два нижніе засыпаны. Въ уцѣлѣвшемъ ярусѣ помѣщается нынѣ заведеніе для сученія шел-

ка. Такъ на каждомъ шагу выказывается пагубное пренебреженіе Турокъ къ не-Мусульманскимъ учрежденіямъ! Отъ девятнадцати цистернъ древняго Царяграда нынѣ уцѣлѣло лишь пять или шесть, совершенно заброшенныхъ; между ими извѣстна особенно одна, называемая подземнымъ дворцомъ (ере-батанъ-сараі), въ древности «цистерна базилике» (Императорская). Турки говорятъ, что подъ всѣми домами и зданіями Стамбула устроены бассейны, въ предупрежденіе землетрясеній; подобное мнѣніе господствуетъ на всемъ Мусульманскомъ Востокѣ. Впрочемъ, и у Грековъ существуютъ разныя повѣрья о Константинопольскихъ ключахъ: такъ родникъ въ Терапіи извѣстенъ цѣлебными свойствами противъ любви.

Во время прогулки сего дня, Его Высочество изволилъ заходить въ Турецкую гостинницу, гдѣ былъ потребованъ обѣдъ изъ Турецкихъ блюдъ. Не смотря на то, что это была лучшая гостинница, большая часть обѣдавшихъ чувствовали себя дурно послѣ Турецкихъ блюдъ.

16 Іюня Великій Князь изволилъ обозрѣвать Стамбульскіе базары. Восточный базаръ довольно извѣстенъ: подробности о немъ были уже мною и сообщены въ «Путешествіи по Сѣверной Персіи». Константинопольскіе базары не отступаютъ отъ общихъ правилъ Мусульманскихъ рынковъ; только они нѣсколько шире и чище. Расположенный на волнистой мѣстности, главный Стамбульскій базаръ, начатый Султаномъ Мухаммедомъ-Завоевателемъ и носящій названіе стараго и новаго (Эски и ени базаръ), развѣтвляется на нѣсколько линій, въ которыхъ продаются и фабрикуются отдѣльно разные товары; къ базару примыкаютъ каменные караванъ-сараи, мѣстами въ нѣсколько этажей, называемые здѣсь «ханами», между которыми

отличается своею обширностію «ени-ханъ» (новый). Невольничій рынокъ, близъ мечети Сулеймапіэ, составляетъ отдѣльный низкій ханъ, съ навѣсомъ посрединѣ: здѣсь продаются преимущественно Аббиссинки и Негры, по видимому, всегда довольные своею судьбою и всегда исполненные ненависти къ Франкамъ; женщины сидятъ въ каморкахъ за рѣшетками. Почти въ срединѣ базара находится «безестенъ» (правильнѣе «беззазистанъ) — мѣсто продажи матерій, обширное четырехугольное зданіе, подобно базару крытое, назначенное для продажи лучшихъ товаровъ, между которыми однакожь нерѣдко замѣшивается ветошь и ходячіе лоскутники; въ безестенѣ продается также цѣнное оружіе. Его Высочество изволилъ купить здѣсь саблю въ 400 руб. асс. и нѣсколько «фесовъ» (шапокъ) и «папучей» (туфлей).

Въ семь часовъ вечера Великій Князь, по приглашенію Султана, прибылъ на пароходѣ въ Бейлербейскій дворецъ, къ обѣденному столу. При вступленіи Высокаго Путешественника во дворецъ, Турецкая музыка играла Русскій гимнъ: «Боже, Царя храни». Въ залѣ ожидали Великаго Князя Турецкіе сановники и Посланники Европейскихъ Державъ: для прохода Его Высочества отперты были «Золотыя ворота», которыя отворяются лишь для Султана и до-сихъ-поръ не раскрывались ни для одного Европейскаго Принца. Султанъ Абдулъ-Меджидъ, сообразно Мусульманско-Турецкому этикету, по «Канунъ-намэ» (уложенію) Мухаммеда II, не присутствовавшій за обѣдомъ, выходилъ для привѣтствія Высокаго Гостя, и освѣдомившись о прогулкахъ Его Высочества по Царюграду, удалился во внутреннія покои. За столомъ около Великаго Князя сидѣли Риза-Паша (Министръ Двора) и

Сулейманъ-Паша (Предсѣдатель Совѣта). Во время обѣда, Его Высочество предложилъ тостъ за здравіе Султана, а Великій Визирь провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, послѣ чего Риза-Паша предложилъ тостъ за здравіе Высокаго Путешественника.

17 Іюня, въ Воскресенье, Его Высочество слушалъ Литургію въ Посольской церкви въ Буюкдере, а вечеромъ изволилъ прогуливаться на Азіатскомъ берегу Босфора, въ пріятной долинѣ Султаніэ, близъ деревни Бейкосъ.

18 Іюня Великій Князь изволилъ присутствовать въ Скутари на эволюціяхъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи (топчи, кумбараджи), при казармахъ Селиміэ. Не смотря на заботы покойнаго Султана Махмуда, Турецкія войска находятся не въ цвѣтущемъ положеніи: въ Константинополѣ считалось слишкомъ 20,000 регулярныхъ войскъ, но изъ этого числа едва ли и половина можетъ быть поставлена въ сраженіе. Правда, что пѣхота маршируетъ довольно ровно, кавалерія учится фехтовать, артиллерія имѣетъ случай чуть не каждый день оглушать холостыми выстрѣлами себя и другихъ; правда, что для обученія (таалимъ) пѣхоты находятся Французскіе Офицеры, а для обученія артиллеріи — Прусскіе; правда, что содержаніе Турецкаго солдата въ столицѣ обезпечено; однако неловкіе Османлы съ трудомъ вникаютъ въ Европейскую выправку, поощренія не видится ни откуда особеннаго — такъ было въ 1845 году — и притомъ солдаты больше недоростки и малолѣтки, остающіеся недолго на службѣ, а старые солдаты никакъ не могутъ отстать отъ убѣжденія, что внѣ Ислама и Турціи нѣтъ ничего хорошаго. Султанъ обращалъ тогда на свою армію вниманіе довольно посредственное. Внутреннюю стражу, вмѣсто Полиціи, со-

держатъ регулярные солдаты, не соблюдающіе почти никакой субординаціи ни въ «эйлакахъ» (казармахъ), ни въ «куллукахъ» (строю). Осужденіе Турецкимъ войскамъ, какъ ничего не обѣщающимъ, произнесъ еще въ 1834 году Маршалъ Мармонъ.

По окончаніи смотра, Его Высочество изволилъ переправиться въ Константинополь, гдѣ посѣтилъ зданіе, извѣстное подъ именемъ «Порты» (двери). На Востокѣ издавна всѣ дѣла рѣшались при дворцовыхъ воротахъ: это мы находимъ еще въ Библейскихъ сказаніяхъ у Даніила и Эсѳири, и у Ксенофонта въ его Киропедіи. Съ тѣхъ поръ «деръ» въ Персидскомъ, «бабъ» въ Арабскомъ и «ишикъ» въ Тюркскомъ — *двери* играютъ на Востокѣ главную роль въ государственномъ управленіи, такъ что и самая Оттоманская Имперія получила названіе «Высокой Порты». Въ зданіи, которому теперь присвоено это имя, засѣдаетъ Великій Визирь, первый сановникъ Имперіи, не бывшій однакожь имъ въ 1845 году: потому что всѣми государственными дѣлами заправлялъ любимецъ матери Султана, Риза-Паша, первоначально бывшій любимцемъ (въ полномъ значеніи этого слова) Султана Махмуда и возвысившійся изъ простыхъ разнощиковъ. Снаружи зданіе Высокой Порты хотя и обширно, но довольно некрасиво и просто; внутри же много мраморной отдѣлки, но вообще Восточное великолѣпіе отсюда изгнано. Его Высочество былъ встрѣченъ здѣсь Великимъ Визиремъ.

19 Іюня Великій Князь осматривалъ Литейный заводъ въ Топхане, послѣ чего посѣтилъ Армяно-католическую Патріаршую церковь и потомъ возвратился въ Буюкдере, а вечеромъ изволилъ прогуливаться въ долинѣ Розъ, близъ Буюкдере, на Европейскомъ берегу Босфора.

20 Іюня посвящено было Его Императорскимъ Высочествомъ на приготовленія къ отъѣзду.

21 Іюня, утромъ, Великій Князь имѣлъ прощальную аудіенцію у Султана, который собственноручно написалъ для Высокаго Гостя два Турецкіе стиха слѣдующаго смысла: «Путешествіе есть лучшее средство для окончательнаго образованія юношества». Вечеромъ Его Высочество изволилъ осматривать Принцовы острова, гдѣ посѣтилъ Греческіе монастыри и знатока Константинопольскихъ древностей Патріарха Константія, произнесшаго, со слезами на глазахъ, привѣтственное слово, заключеніе котораго было таково: «Пора же Православію расцвѣсти въ Царѣградѣ! Кто здѣсь терпитъ и сколько — объ этомъ знаютъ вотъ они!» — при чемъ благочестивый старецъ указалъ на Русскаго Посланника.

22 Іюня Великій Князь Константинъ Николаевичъ отправился, на пароходѣ Бессарабія, въ Никомидію и Бруссу: Русскій Посланникъ сопровождалъ Его Высочество до Дарданеллъ.

Такъ заключилось шестнадцати-дневное пребываніе Русскаго Царевича въ столицѣ Византійскихъ Императоровъ. Православному народонаселенію это посѣщеніе осталось навсегда памятно: много надеждъ и радостныхъ предположеній соединяли Православные съ пріѣздомъ Сына Русскаго Императора, — Сына, носящаго славное въ Греческой памяти имя Константина!...

2007050308